

Алексей ГОРШЕНИН

ВЕЧНЫЕ РИФМЫ ЛЮБВИ

**Очерк творческой судьбы
Нелли Закусиной**

Новосибирск

2015

Среди других российских поэтесс (Вместо предисловия)

Поэтическая звезда сибирячки Нелли Закусиной на российском литературном небосклоне возшла более четырех десятилетий назад. Достигнув к началу девяностых годов минувшего столетия своего апогея, она и сегодня продолжает светить ярко и притягательно. Тому свидетельство полтора десятка поэтических сборников Нелли Закусиной, каждый из которых практически сразу же после выхода буквально растворялся в читательских массах, и неизбывная любовь почитателей ее таланта, круг которых с годами только расширялся.

Когда-то известная советская поэтесса, землячка и литературная наставница Нелли Закусиной, Елизавета Стюарт писала о себе:

Среди других российских поэтесс
И для меня есть место в мире этом...

В полной мере слова эти можно отнести и к Нелли Закусиной, которая «среди других российских поэтесс» также заняла свое достойное и заметное место. И не только поэтесс. В современной поэзии Сибири, во всяком случае, она, без преувеличения, одна из звезд первой величины.

Однако при всем этом вниманием литературной критики Нелли Закузина, откровенно сказать, никогда не была избалована. Работ, посвященных ее творчеству (а это в основном книжные предисловия да рецензии), можно пересчитать по пальцам. Серьезных исследований нет и вовсе. Можно сослаться на вполне объективные причины — в первую очередь извечный для литературной провинции дефицит критических кадров, в результате которого даже до известных авторов руки далеко не всегда не доходят. Но, как бы там ни было, факт остается фактом. Обидным и несправедливым.

Чтобы в какой-то мере восполнить образовавшийся пробел, автор и взялся за создание данной книги.

Хочется обратить внимание на ее подзаголовок. Говорит он о том, что это не литературно-критический портрет и не литературоведческое исследование, хотя, безусловно, элементы того и другого здесь присутствуют, а рассказ о литературном становлении и пути поэта в контексте обстоятельств его жизни и социальной среды. На авторский взгляд, такой подход помогает лучше понять и почувствовать творческую природу героини книги и созданных ею произведений. Ведь, как известно, ничто не возникает из ничего и не уходит в никуда. Ну и, конечно, — показать поэта живой, полнокровной и многогранной личностью, каковой Нелли Михайловна Закузина на самом деле и является.

Есть в книге и личностный момент. Да и как не быть, если знаком автор со своей героиней без малого четыре десятка лет, не раз оказывался с нею «в одной лодке» и большая часть ее творческой жизни проходила на его глазах.

Знакомство же наше состоялось погожим майским днем 1977 года в редакции журнала «Сибирские огни». Сам я тогда подвизался в газете «Молодость Сибири». Хорошо помню, как, получив задание взять интервью у новосибирской поэтессы Нелли Закусиной, петлял по коридорам огромного здания с колоннами на Красном проспекте (бывшего Совнархоза) в поисках помещения редакции и волновался. Беседовать с живым профессиональным поэтом (а Закусину незадолго до той нашей встречи приняли в Союз писателей) мне пока не доводилось. Вот, наконец, и «Сибогни», нужный кабинет. Меня встречает молодая, ослепительно красивая (особенно после полутемных коридоров мрачноватого здания), статная женщина. Что-то неуловимо восточное проступает в

разрезе ее зеленоватых глаз, очертаниях скул. Это и есть Нелли Михайловна Закусина, редактор... отдела прозы журнала.

Я представился, напомнил, что мы договаривались о встрече. Да, да, конечно, услышал в ответ. Голос у нее оказался звонче и мелодичней, чем в телефонной трубке. Я сел за стол напротив и начал задавать свои вопросы...

О чем шел разговор? Об НТР и поэзии, о том, как они соотносятся между собой, как вообще эмоциональное и рациональное уживаются в современной литературе.

О научно-технической революции, ее влиянии на различные сферы жизни в семидесятые годы не рассуждал только ленивый. А литература, и поэзия в том числе, была и рупором НТР, и пропагандистом, и художественным ее выразителем в одном флаконе. Так что едва ли стоит удивляться выбранной мною для беседы с лирической поэтессой теме. Тем более что по образованию и первой своей профессии архитектора Закусина к развернувшимся в стране научно-техническим преобразованиям имела, в отличие от таких гуманитариев, как я, непосредственное отношение.

Закусина отвечала, а я, чем дольше длилась наша беседа, тем больше удивлялся зрелости мысли, которую она в этих ответах обнаруживала. Мне почему-то тогда представлялось, что ежели, как говаривал классик, поэзия должна быть глуповатой (а шутку гения я принимал всерьез), то и ее представительницы — особы весьма недалекие. Я тогда еще не знал, что за плечами моей достаточно молодой визави — немалая и непростая жизнь, а на поэтической стезе оказалась она, пройдя значительный путь совсем по другой дороге...

1. «Прелести» кочевой жизни

Родилась Нелли Закусина 1 сентября 1942 года на затерявшейся среди забайкальских сопок станции Могоча в Читинской области. Места таежные глухие. Здесь в первый военный год дислоцировался отряд знаменитого впоследствии писателя и изыскателя, инженера-геодезиста Григория Анисимовича Федосеева, одну из топографических партий которого возглавлял его верный друг и соратник Михаил Алексеевич Закусин.

Михаил Закусин был родом с Урала. После окончания топографического техникума он оказался в 1936 году на геодезических работах в Новосибирске. Парень был видный, сильный, выносливый, смелый, отчаянный. И не случайно, когда только что назначенный начальником отряда Федосеев, приехав в 1938 году в Новосибирск, стал отбирать для себя «крутых парней», он сразу же «положил глаз» на Михаила.

И с этого времени они многие годы будут работать в одной «связке», осуществляя сложнейшие экспедиции в самые неизведанные уголки Сибири и Дальнего Востока, чтобы нанести их на карты. Михаил Закусин был составителем и рисовальщиком многих геодезических карт восточных районов Советского Союза.

О том, насколько ценил его Федосеев, говорит хотя бы тот факт, что впоследствии, когда Закусин сам уже стал начальником экспедиции, Григорий Анисимович при издании книги «В тисках Джугдыра» попросил своего бывшего подопечного нарисовать ему карту для книги: «Михаил, художники накалякали карту. Но никто, кроме тебя, не знает этих мест. Пусть в книге будет настоящая карта». Просьбу Закусин выполнил, однако, когда роман вышел, карт там не оказалось вообще. Сейчас можно только догадываться о причинах и сожалеть.

А вот образ самого Закурина, отважного первопроходца, влюбленного в свое дело и преданного ему, в книгах Федосеева сохранился. Михаилу Алексеевичу писатель посвятил немало теплых страниц.

Анна Николаевна Закусина (в девичестве Мистрюкова) к геодезии и топографии также имела самое непосредственное отношение. Она окончила курсы фотограмметристов и занималась на том же предприятии «Инженерная геодезия» обработкой аэрофотосъемки. В Новосибирск она приехала семнадцатилетней девушкой в 1936 году, но с будущим мужем познакомилась тремя годами позже.

Знакомство получилось красивым и трогательным. Михаил Алексеевич потом рассказывал о нем дочери. Он только что вернулся с поля, и сослуживцы решили познакомить его с интересной девушкой. Но Аня Мистрюкова поначалу никак не хотела выходить из своей лаборатории. Наконец вышла — вся такая строгая, неприступная, с уложенными в «валик» шикарными косами. «Я когда ее увидел, обалдел, — признавался Нелли Михаил Алексеевич. — Княгиня! А потом она протянула мне руку — Нюся». И тут вдруг рухнул, рассыпался по плечам и спине «валик». «Какая же ты Нюся, — сказал восхищенный Михаил Алексеевич. — Ты же — Аннушка, Анютка». И так звал ее до конца своей жизни.

А через полгода они поженились. Михаил Алексеевич увез супругу в сибирскую тайгу, где дислоцировался отряд Федосеева, а сам Закусин был в нем начальником партии, и молодая семья зажила, что называется, в непосредственной близости от места работы. Пройдет срок, и у них появится на свет дочь — их счастье и отрада...

Впрочем, в семье Закуриных не она стала первенцем. За два года до ее появления у Михаила Алексеевича и Анны Николаевны родился сын Боря. Здоровый красивый мальчик. Ему не исполнилось и года, как он простыл и тяжело заболел. Молодая мама слезла следом. Михаил Алексеевич в это время был далеко в тайге. Спасти ребенка не удалось.

Нелли родилась через два года после его смерти. Братика она, естественно, не видела, но память о нем, горечь и боль о безвременно ушедшей родной кровинке

осталась в ней навсегда. Она и до сих пор воспринимает его живым. В начале восьмидесятых годов, уже будучи известной поэтессой Нелли Закузина напишет:

Нет у меня любимой песни брата,
любимой книги, дерева у дома.
Ни писем нет его, ни фотографий
среди страниц семейного альбома.

Его друзей, которые случайно,
хоть изредка,
ко мне бы заглянули.
Его велосипеда в коридоре.
его рубашки, брошенной на стуле.

Я так была б его успехам рада.
Я поделила б с ним его печали.
И, может, мне
не так уж было б трудно
неласковыми днями и ночами.

Раннее детство Нелли прошло среди тайги и гор, по которым пролегали маршруты экспедиций отца. Хребты Яблоневого и Становой, Сихотэ-Алинь, Джугдыр... стали для Нелли не просто звучными географическими названиями, а неотъемлемой частью, органичным контекстом ее первоначальной поры. Когда Михаил Алексеевич отправлялся в экспедицию, Анна Николаевна с дочерью сопровождали его. Так что девочке с младенчества пришлось испытать «прелести» кочевой жизни и осваивать различные виды кочевого транспорта от собак и оленей до... всего, что летает и плавает.

Нелли Михайловна вспоминает: «Когда шли по тайге, меня крепко привязывали на навьюченную лошадь. Рассказывают, что когда я уставала, просилась: «па-па... на шею...». И он нес меня на плечах. Вообще детство у меня было прекрасное, счастливое... Времена были нелегкие, война, экспедиции... Но я тогда этого не ощущала. Я помню, как меня любили, и это согревает меня всю жизнь».

Родительская любовь не только освещала и согревала всю ее жизнь, но и была, думается, тем неиссякаемым источником, который десятилетиями питал духовной энергией творчество Нелли Закузиной.

Поэтические же зачатки проявились в ней очень рано. По рассказам Анны Николаевны, говорить Нелли начала года в полтора и почти сразу стала петь. Причем, нечто ритмическое. Жили практически в тайге, но Анна Николаевна не боялась, что дочь заблудится, потеряется как раз потому, что дочь все время пела, и определить по голосу, где она, было несложно. Один раз искали ее больше двух часов. А вышла из тайги сама: губы в малине, в ручонках — фундук. Шла и пела: «Бурундук — фундук!» И то была, наверное, ее самая первая в жизни рифма.

С окончанием войны Михаилу Алексеевичу разрешили перевезти семью в Новосибирск. День Победы Закузины встречали уже здесь. Воспоминание о нем станет одним из самых ранних, отложившимся в детской памяти Нелли Закузиной. Много лет спустя оно найдет отклик в небольшой зарисовке **«Возвращение»**:

Я не помню войны,
Я не помню победы.
Помню мать,
Небо в радостных облаках.

Помню, как высоко
Надо всеми я еду

В чьих-то добрых руках,
В чьих-то сильных руках.

Не пойму ничего —
Плачут взрослые, плачут,
Но — на лицах улыбки.
Я в чье-то плечо
С золотистым погоном
Лицо свое прячу
И в небритую щеку дышу горячо.

Поселилась семья Закусиных в Закаменке, в «геодезических» домах на улице Толстого. Новосибирск трехлетнюю Нелли, никогда не видевшую большого города, поразил. Детская память сохранила ее первый «выход» в городской «свет». Нет поблизости тайги, и во дворе ни елочки, ни деревца, зато полно детворы. И это было так необычно и здорово! Ведь детей в экспедиции Нелли почти не видела. **И всех взрослых звала на ВЫ, включая маму и папу. Так, до конца жизни и называла их на ВЫ.** Началась совсем другая жизнь.

Примечательным ее фактом стала покупка пианино. Нелли отдали в музыкальную школу. Разучивая музыкальные пьески, девочка всегда что-то под них наговаривала. Опять же — ритмическое. Стихами, конечно, это называть было еще никак нельзя, но какие-то признаки в тех «предтечах» уже угадывались. Еще не ходившая в школу шестилетняя Нелли в открытке отцу, как заправский акын, писала:

Вот бегут и лают собаки
Вот блестит наш желтый Амур.
На горизонте показался Квакин.
К нему подошел Тимур...

Пройдет немного времени, и словотворчество Нелли Закусиной начнет обретать уже более внятные стихотворные очертания. Хотя лирических зачатков пока еще не просматривается. Довлеет, наоборот, «социальный», а то и социально-политический взгляд на окружающую жизнь. Особенно жалеет юная сочинительница угнетенных белыми расистами негров. Им девятилетняя Нелли посвящает поэму с говорящим за себя названием «Черный и белый», которая занимает у нее целую тетрадку с рисунками:

Черный и белый стоят у ворот,
белый, в насмешке, кривит рот.
Черный, вздохнув, опускает глаза.
по черной щеке катится слеза...

Правда, к моменту появления этого опуса в Закаменке Нелли уже не будет. Кочевая профессия отца не позволяла семейству Закусиных надолго задерживаться на одном месте. Пошли новые переезды. Теперь уже по Западной Сибири. Здесь был другой, не похожий на восточносибирский, ландшафт, иной внешности и уклада поселки, в которых приходилось Нелли жить. Но был и некий общий знаменатель, как бы объединяющий разнородное пространство ее детства, характерный его признак и образ, который поэтесса запечатлеет в стихотворении «**Не Бог послал мне счастье...**» уже много-много позже:

Ведь в детстве в основном была зима...
Но в лето верилось уже, пожалуй, в марте,
когда открытки рисовала маме
в цветках, каких не видела сама.

Еще стелился белый-белый дым
из белых изб,
лохматых от мороза...
На станции гудели паровозы,
и небо было чистым.
Голубам.

Обращает на себя внимание здесь признание поэтессы об открытках, которые она «рисовала маме в цветках, каких не видела сама». О чем оно говорит? Да о глубинной связи творческого существа Нелли Закусиной с «порой первоначальной», когда детское воображение находится как бы в постоянном несогласии с обыденностью. И эта особенность детского восприятия, пересоздающего реальный мир согласно своему видению, станет в дальнейшем важной чертой поэтики Закусиной...

Перемена мест жительства сопровождалась у Нелли сменой школ. Всего их будет шесть. И в каждой ей поневоле приходилось привыкать к статусу «новенькой». Учебе школьная чехарда тоже мешала. Тем не менее, училась Нелли даже почти без четверок. Ей одинаково хорошо давались многие предметы. А такие, как русский и литература или иностранный язык она и за предметы не считала, поскольку были они органичной частью ее жизни. Но по-настоящему любимым предметом была... физика. Возможно, по причине того, что в школах, где училась Нелли, очень везло на преподавателей физики. **На такого, например, прекрасного учителя, как физик из Чановской школы Геннадий Лаврентьевич Шмаков.**

2. Нет худа без добра...

Тяжелым для семейства Закусиных и самой Нелли выдался 1953 год. Благодаря массовой амнистии на свободе оказалось немало матерых уголовников, которые в иных местах просто терроризировали население. (В этой связи сразу же вспоминается замечательный фильм «Холодное лето пятьдесят третьего»). Светла судьба с ними и Михаила Алексеевича Закусина: группа уголовников напала на него в Куйбышеве (бывшем Каинске). Ограбленный и избитый ими, он пролежал на морозе всю ночь. У него началась гангрена. Михаилу Алексеевичу повезло. В больнице его лечил прекрасный врач из ссыльных, которому удалось спасти от ампутации руки и ноги. Анна Николаевна уехала в Куйбышев к мужу поддержать его, а Нелли осталась одна, на попечении соседей. И вскоре сильно заболела. Соседи сообщили по рации Анне Николаевне, и та забрала дочь в Куйбышев. По иронии судьбы попала Нелли к тому же врачу, который лечил отца. Выходил он и ее. **(Фамилия врача — Кенинг, и был он хирург от Бога).**

Хотя шло выздоровление долго и трудно: пролежать пришлось почти всю зиму и лето.

Но, как говорится, нет худа без добра. Это «лежачее» время стало для Нелли растянувшимся на месяцы пиршеством чтения. За всю последующую жизнь она, наверное, не прочитала и половины того, что успела тогда.

Нелли и тут повезло. В Куйбышеве с начала XX века, когда назывался он еще Каинском, сохранилась «Красная казарма»¹, где расположилась удивительно богатая для этого захолустья библиотека. Чего тут только не было! Даже запрещенная в то время литература. У Анны Николаевны имелся «допуск» в библиотеку. Но из уважения к ней, как к жене Закусина, кое-что ей доставали даже, что называется, «из-под полы».

¹ Эти двухэтажные здания из красного кирпича — отсюда и название — возводились вдоль Транссиба для воинских гарнизонов.

Благодаря этому десятилетней Нелли довелось познакомиться с целым рядом запретных тогда литераторов. Таких, например, как Бабель, который поразил ее каким-то странным — нездешним языком. А вот Цветаева на нее впечатления не произвела. Возможно, просто не доросла еще. Зато заворожил тоже пока еще опальный Есенин. Тоненькие брошюры с его стихами, которые приносила ей мама, Нелли читала с упоением.

Но других поэтов не видела в упор. И сама стихов не писала. Зато наслаждалась прозой Тургенева, Диккенса. Потом влюбилась в «Даурию» Константина Седых. А после романа Алексея Константиновича Толстого «Князь серебряный» — о временах Ивана Грозного — увлеклась исторической литературой. Нелли то и дело просила маму принести почитать что-нибудь историческое, на что Анна Николаевна, сама большой книголюб, мудро замечала: «Все книги — это история».

И вот в один прекрасный момент в жизни Нелли Закусиной появился Поэт. Настоящий, неповторимый и единственный. С большой буквы. Огромная и, как окажется, на всю жизнь поэтическая любовь. Это был Николай Алексеевич Некрасов, о котором, вспоминая то впечатление, какое он на нее произвел, в одном из ранних своих стихов «**Портрет Некрасова**» Закурина скажет: «Великий друг, поэт мой ненаглядный. // Десятилетней, мне казался Богом...». А в более позднем стихотворении («**В те дни, когда уже кончалось лето...**»), имея в виду того же Некрасова, возблагодарит судьбу за то, что та подарила ей Поэта. Поэта, который помог лучше узнать себя, почувствовать свое предназначение и раскрыться собственному таланту, поэту, у которого она будет всю жизнь учиться искусству слова.

Так что запойное чтение, которое «спровоцировала» долгая болезнь, открыла для юной Нелли прекрасный и волнующий мир Большой литературы, который покидать ей уже не хотелось никогда.

Наконец, «болезнь прошла, // осталась легкость в теле». На дворе 1955 год. Михаил Алексеевич Закусин получает назначение начальником Барабинской экспедиции, которая «осваивает» степи и озера Барабы. Базировалась она в рабочем поселке Чаны, и Нелли с матерью вслед за главой семейства переезжают туда.

В тень прошлого вместе с болезнью уходят и библиотека с «Красной казармой», и старинный степной городок: «Мимо вышки пожарной // дни меня провели, // мимо Красной казармы, // одинокой ветлы...». Уходят, но не делаются «отрезанным ломтем». Напротив, «становилось все важным // и надежным вполне, // становилось все нужным // и завещанным мне»:

Молча шла,
расставаясь
я с родной стороной,
и она,
оставаясь,
уходила со мной...

Не берусь утверждать, что именно расставание с Куйбышевым (Каинском) нашло отклик в процитированном выше стихотворении «**Вдаль тянулась дорога...**», написанном давно уже зрелой поэтессой, но чувства, владеющие его героиней, думается, вполне созвучны настроению самой Нелли Закусиной той отроческой поры.

3. Дебют районного масштаба

В Чанах опять новая, уже пятая для шестиклассницы Нелли Закусиной школа. И самая для нее лучшая. Здесь практически по всем предметам были прекрасные педагоги, отменные специалисты, чуткие отзывчивые люди — в основном из политических

ссылных. В школе царил замечательный моральный и психологический климат. Как вспоминает сегодня Нелли Михайловна, «у меня было четыре года нормальной полноценной жизни среди настоящих людей». Может быть, поэтому Нелли снова начала писать стихи. И не только. В толстых общих тетрадях, куда она записывает свои сочинения, наряду со стихотворениями появляются прозаические повествования и даже пьесы.

Стихи были еще корявые, неровные. Равнялась в них Нелли преимущественно на известные песенные тексты, которые также любовно переписывала в общие тетради. Потому, наверное, и стихи получались чаще, по ее собственному определению, «слезливо-романсовыми», и неестественно «романтизированными». Впрочем, романсово-романтический флер не мешал юной поэтессе писать не вообще, а именно о том, что казалось ей интересным. Она и писала для себя, никому ничего не показывая. Просто складывала в стол. Но однажды сочинила стишок к праздничной дате под названием «**Майская песня**» и решила отправить его в районную газету «Знамя коммунизма». К удивлению Нелли, стих напечатали:

В этот день, если даже и тучи
солнце скроют и дождик польет,
песня птицей свободной, могучей
в сердце каждого радость вдохнет.

День труда, день счастливой свободы.
И без солнца нам солнечный день.
И надеждой полны все народы,
что рассеется мрачная тень.

Разорвутся стальные оковы,
что опугали счастье людей.
Станет звонким свободное слово
В этот праздничный, радостный день.

Зазвучит песня равенства смело,
шар земной весь охватит ее.
Взявшись за руки, черный и белый
скажут слово для песни свое.

Первая публикация состоялась. Автору шел всего четырнадцатый год. До настоящего поэтического дебюта будет еще целое десятилетие...

Появление на печатной странице юную поэтессу несказанно вдохновило. Войдя во вкус, она шлет в редакцию районки новые и новые опусы, полные той же браваурной парадной риторики: «Вперед! И никогда назад! // Нам дел великих не измерить: // На Марсе вырастим мы сад, // А если надо – на Венере!»

Но пишет и совсем другие стихи, в которых уже начинает просматриваться ее собственное лицо:

Ты сидишь за книгой у окна
И листаешь медленно страницы.
Тут — экзамены, а там — весна,
Здесь — учебники, а за окошком — птицы.

Зажимая уши, повторяешь,
Чуть прикрыв пушистые ресницы.

Будто бы совсем не замечаешь,
Что сейчас на улице твориться.

Будто бы совсем неинтересно,
Будто солнце радостно не греет.
Уравнение с каким-то неизвестным
Для тебя сейчас всего важнее.

Скрип пера, манящий звон капли...
Солнца луч в окно ворвался смело.
Подожди... Промчатся дни, недели,
Вот тогда — совсем другое дело.

Ты окинешь быстрым, зорким взглядом
Жизни новой ясную дорогу.
А весну жалеть тебе не надо:
У тебя их будет очень много.

Стихотворение это называлось «Десятиклассница» и было напечатано все в том же «Знамени коммунизма». За него Нелли получила трехрублевый гонорар (в пределах этой суммы присылали ей гонорары и за другие напечатанные стихи). Для нее те деньги были святыми, никаким тратам не подлежащими. Нелли складывала их в заветную шкатулочку с другими девичьими ценностями. Эти старые выцветшие купюры и по сей день хранятся у Нелли Михайловны как светлая память о тех временах, когда ее очень робкий еще поэтический ручеек начал пробивать дорогу к людям.

Ну, а публикация стихотворения «Десятиклассница» имела свое продолжение. Когда Закусины уже жили в Новосибирске, ей прислали однажды вырезку из одной центральной газеты с обзором поэтической почты районных газет (выходили тогда и такие материалы!), где в качестве положительного примера цитировалась и ее «Десятиклассница». Правда, без упоминания имени автора. Было это так неожиданно и так приятно... И не прошло для Закусиной бесследно. Много лет спустя, сама став литературным консультантом, она возьмет себе на вооружение практику обзора редакционной поэтической почты. С обязательным, однако, упоминанием авторов.

4. Замеченная «большими»

В 1959 году Закусины переехали в Новосибирск. На этот раз, как покажет будущее, навсегда. (Правда, у отца был еще Джезказган) Десятый класс Нелли оканчивала в школе №42. (Сегодня это гимназия № 1). Девочке из провинции в этой «центральной» школе, где было полным-полно отпрысков больших городских начальников всех мастей, пришлось нелегко. Но Нелли, сумев все преодолеть, получила аттестат с достойными по всем предметам оценками. За исключением, разве что, химии, по которой, в отличие от физики, не было хороших учителей ни в провинциальных школах, где училась Закузина, ни даже в престижной 42-й. В результате — полное непонимание ей этого предмета.

В 1960 году, сразу же после школы, Нелли Закузина поступила в институт. Правда, не по той профессии, о которой мечтала. Хотела-то она стать врачом. Но химия... Без знания этого предмета в медицинский вуз соваться нечего. Нелли и рисковать не стала. Пошла в Новосибирский инженерно-строительный институт им. В.В. Куйбышева, на... архитектурный факультет.

И тоже не сказать, что по призванию. Как признается ныне Нелли Михайловна, на архитектурный она «пошла только потому, что там преподавали историю искусств,

историю архитектуры, скульптуру, живопись, рисунок... Все остальное было везде...». А вот дисциплины, связанные с искусством, вызывали у нее восторг. Все-таки по натуре больше гуманитарием она была.

Сдавать химию, слава богу, не требовалось, зато ждало испытание творческое — начинались вступительные экзамены на архитектурный факультет с демонстрации абитуриентами своих способностей к рисованию. Но здесь у Нелли было все в полном порядке. Родительские гены (отец с матерью, вспомним, и сами были рисовальщиками отменными) способности эти ей передали в лучшем виде. Впрочем, поступить на архитектурный факультет и без этого, когда на одно место претендовало семь человек, было нелегко. Но Нелли успешно преодолела вступительные барьеры.

Студенческая ее жизнь шла достаточно размеренно и спокойно, в основном в русле предписанного учебного процесса. Весь первый год Нелли с однокурсниками работала днем на стройках плиточником-мозаичником, а вечером училась. Да и на последующих курсах по месяцу каждую весну и осень приходилось отдавать стройплощадкам.

Это нашло свое отражение в некоторых, написанных почти с натуры, поэтических зарисовках Нелли Закусиной студенческой поры.

Студентка в стихотворении **«Очень странно»** в ранней утренней электричке спешит на пригородную стройку, где весь день таскает бетон, а вечером слушает лекции в институтских аудиториях. И не тяготится столь напряженной жизнью, воспринимает ее с молодым оптимизмом как должное — «даже думать о жалобах я стыдилась». Более того, вспоминая то время, утверждает поэтесса: «Я в то время довольна была судьбой».

Студенты на стройке и в центре стихотворного цикла **«Рождение города»**. Строительная работа изображена молодой поэтессой здесь в документально точных конкретных деталях:

Ношу раствор в пузатых окорятах...
Затем лопату в руки — и пошел:
цемент,
вода
да мраморная крошка...
И этой кашей заливаю пол.
Раствор разглаживаю
вдоль латунной жилки,
не разгибаясь пять часов подряд...

Нелегкий труд помогает лирической героине постигать суть будущей профессии, да и вообще философский смысл работы, которая в ее вызревающем убеждении необходима, прежде всего, для того, «чтоб крепче удержаться на земле». Но работа на стройке еще и помогает будущим архитекторам по-новому взглянуть на окружающий мир. В минуты отдыха студентки берутся за кисти, краски и начинают рисовать — «все до мелочи, до точки», открывая для себя «в простых вещах» удивительные краски, благодаря которым на их рисунках «мир... поет, искрится».

Светом и теплом веет и от зарисовки **«Практика»**, рассказывающей о первом производственном наставнике студенток — бригадире строителей, который учит их строительным азам.

И все-таки годы учебы Нелли больше запомнились другим. Институтским литобъединением, например. Некоторые его члены (Валерий Малышев, **Иван Овчинников**) станут в будущем профессиональными поэтами. Или удивительно радостной творческой атмосферой, которая царила в редакции институтской многотиражки «Кадры стройкам» с ее редактором, известным впоследствии журналистом Валерием Тарасовым, куда Закурина стала вхожа чуть ли не с первых студенческих дней, и где регулярно печатала свои стихи. Несколько позднее постоянным ее печатным плацдармом будет еще и «Молодость Сибири». Время от времени стихи молодой поэтессы появляются и в

других периодических изданиях. Имя ее все больше на слуху. Уже и «большие» (известные) поэты Новосибирска начинают ее замечать.

Тогда не то, что ныне, корифеи очень внимательно следили за молодой литературной порослью, не гнушались читать с этой целью даже многотиражки. И вот однажды в редакцию «Кадры стройкам» позвонил известный сибирский поэт Иван Ветлугин, **заведовавший в то время отделом поэзии в журнале «Сибирские Огни»**. Он познакомился со стихотворными публикациями Закусиной в институтской газете и теперь приглашал ее на беседу.

Впечатление от того свидания осталось достаточно сильное. Настоящих поэтов Нелли до той поры «живьем» еще не видела. Ее встретил крупный, военной выправки мужчина с округлым одухотворенным лицом и пышной, поистине поэтической, шевелюрой. Порасспросив Нелли о жите-бытье, Ветлугин перешел к профессиональному разбору ее стихов. На занятиях институтского «лито» она уже обсуждалась, но как это было не похоже на, что говорил сейчас Иван Матвеевич. Нелли вежливо слушала, однако мало что понимала. И продолжала потом писать, как умела. А через некоторое время там же, в «Кадрах», Нелли сообщили, что с ней хочет встретиться сама Елизавета Константиновна Стюарт. По приглашению именитой поэтессы Закузина пошла к ней на квартиру и... ситуация повторилась. Нелли заморожено слушала и, опять же, плохо улавливала смысл сказанного. Оставалось лишь ощущение какого-то удивительного словесного пиршества, которым одаривала ее эта маленькая хрупкая женщина с величественной осанкой и проникающим в душу взглядом...

5. Поэтическое «безумие» шестидесятых

Огромное значение в поэтическом становлении Нелли Закусиной сыграло ныне уже легендарное литературное объединение при газете «Молодость Сибири».

Возникло оно в 1958 году. Его бессменным руководителем был выпускник Ленинградского университета, журналист и поэт Илья Олегович Фоняков. Талантливый, широко эрудированный, влюбленный в литературу, харизматический питерский интеллектual, он быстро завоевал популярность как в самом литобъединении, так и вообще среди пишущей молодежи Новосибирска. Литобъединение Фонякова сделалось центром притяжения лучших молодых литературных сил города. За полтора десятка лет существования через него прошли многие впоследствии хорошо известные сибирские поэты и прозаики.

Сюда в 1962 году пришла и второкурсница НИСИ Нелли Закузина. Фоняковское «лито» сразу же стало ее вторым домом. Здесь она обрела немало друзей-поэтов, с некоторыми из которых творческие и человеческие отношения не будут угасать еще долгие годы. Важно было и то, что, перестав вариться «в собственном соку», она по-настоящему поняла, как важна для пишущего человека соответствующая творческая среда. А главное — здесь было кому ставить ее поэтический голос. Илья Олегович оказался прекрасным «настройщиком». Да и Нелли вместе с Ниной Греховой были у него в фаворе — любимыми, можно сказать, ученицами. Он их пестовал, «таскал» за собой на выступления, поэтические вечера, возил в другие города на Дни поэзии...

Надо сказать, что студенческая и поэтическая юность Нелли Закусиной выпала на замечательное время. Середина 1960-х годов, когда она делала первые свои шаги на литературном поприще, была отмечена всплеском мощной поэтической волны, которая захлестнула площади, стадионы, залы. Поэты собирали такие аудитории, о которых нынешние поп-звезды могли бы только мечтать. Не обошла эта волна и Сибирь. Нелли Михайловна вспоминает о Днях поэзии в Томске, в которых ей тогда доводилось участвовать с группой новосибирских поэтов: «...На улицах города любой памятник,

забор, скамейка становились сценой — каждый желающий взбирался на них и читал свои стихи. Все были больны стихами. Это было какое-то безумие»².

В Новосибирске центром поэтического «безумия» становились ныне уже легендарные вечера поэзии в Новосибирском электротехническом институте. На них всегда было столпотворение — люди сидели на подоконниках, стояли в проходах... И эта сверхнасыщенная поэтическим электричеством атмосфера не могла время от времени не разряжаться вспышками новых дарований. И они действительно появлялись. Один только Новосибирск в шестидесятых годах явил читающему миру целую плеяду талантливых самобытных поэтов: Геннадия Карпунина, Александра Плитченко, Нину Грехову, Виктора Крещика... Будет в том строю место и для Нелли Закусиной...

В учебе и делах творческих студенческая юность пролетела незаметно. Наконец наступила преддипломная горячка. И вдруг — телефонная трель. Звонил из «Сибирских огней» Александр Кухно. Он временно замещал заведующего отделом поэзии.

С Кухно Нелли познакомилась на одной из поэтических встреч. Он начинающую поэтессу заметил, запомнил. Теперь вот звонил...

— Чего сидишь — куда не высовываешься? — спросил он.

— Диплом делаю.

— А стихи печатать не собираешься?

— Не знаю... — смешалась от такого неожиданного для нее вопроса Нелли.

— Давай неси! — безапелляционно сказал Кухно.

— А сколько?

— Да сколько есть, столько и неси...

Принесла Нелли, по ее словам, «две авоськи». Кухно, даже не улыбнувшись, оставил у себя обе. И выбрал из них... пять стихотворений.

6. «Входной билет» в Поэзию

В сентябре 1966 года, в девятом номере журнала «Сибирские огни» подборка под общим названием «Это добрый человек...» была напечатана. Она стала настоящим поэтическим дебютом 23-летней Нелли Закусиной и как бы ее «входным билетом» в мир «большой поэзии».

Что же предложил читательскому вниманию Александр Кухно из принесенного Закусиной стихотворного вороха? Пять непохожих друг на друга поэтических зарисовок.

В центре одной («**Большая стирка**») были пальцы женских рук, «пляшущие» на ребрах стиральной доски («обнаженные, в белой пене // десять бронзовых, жарких тел»). Удачно найденный поэтессой метафорический образ превращал заурядный бытовой эпизод в подлинно художественную картину. Образ натруженных женских рук по-своему «аукнется» в более позднем стихотворении Закусиной «**Руки**», где он обретает уже символическое звучание: лирической героине хочется, чтобы тяжелая трудовая рука крестьянки, которую она держит в своих ладонях, ей «передала частицу силы// и своей крестьянской красоты».

В основе другого стихотворения подборки «**Было хмуро и горько...**» тоже вполне бытовая ситуация. Только здесь образ самостоятельной, свободолюбивой, но и противоречивой по натуре женщины, не желающей прогибаться ни перед возлюбленным, ни перед его родней, выписан с графической контрастностью и резкостью, с некоторой даже вызывающей прямолинейностью и сарказмом: «Научусь понемножку, // что и как, и когда. // Как любить осторожно, // честь свою не марать, // буду брать то, что можно, // что не можно — не брать...». А сам этот образ как бы наметит стержневую черту лирической героини Закусиной.

² Нелли Закузина «Спаси меня от зла непониманья...». // «Вечерний Новосибирск», 14 июля 2000 г.

А вот **«Ночной звонок»** — своего рода психологический этюд, отражающий состояние человека в определенный момент его бытия — в данном случае на грани сна и яви, реального и ирреального.

Он станет предтечей целого ряда написанных Закусиной в разное время стихотворений, где сновидения выступают формой поэтического выражения тончайших переживаний чувств и зыбких предощущений, формой, которой поэтесса охотно и успешно будет пользоваться.

Так, тема неожиданного ночного звонка повторится у Закусиной позднее в стихотворении **«Приснился человеку телефон...»**. Человеку приснился телефонный разговор с другом, которого он много лет не видел и не общался. Закончить беседу человек не успел — проснулся. А жена сообщает, что звонил какой-то друг, но она не стала будить. Такая вот матрешка: фатасмагорическое в реальном. Но это не суть, а форма выражения. Поэтическая же мысль здесь скорее в том, что настоящий друг не оставит тебя нигде и никогда — даже во снах.

На зыбкой грани сна и яви, мечты и реальности, полутонов и предощущений построено и стихотворение **«Из трубы — дым...»**.

Поэтические сновидения у Закусиной разнообразны. Ее лирическая героиня может летать во сне, как в зарисовке **«Душа трепетала во сне...»**.

А в стихотворении **«Сон»** ей снятся густые заросли золотых подсолнухов, через которые она проходит к неким распахнутым дверям. Здесь ей рады, и она счастлива, как не была никогда.

В конце семидесятых годов появится у Закусиной даже целый «сновиденческий» цикл — **«Цветные сны»** из шести частей. Душевное состояние влюбленной женщины передано здесь через цепь снов, в которых она видит себя то «журавлем, длинноногим и серым», то «воробьем, ошалевшим и смелым», то рисует прутиком мост на песке, «под которым ветер кричит», то появляются в ее ночных видениях «синие букеты по весне», то кони. Полночные кони-сны мчат лирическую героиню «по самому краю земли», «пока не спустились рассветы». А в стихотворении **«Ах, какие там могут быть сказки...»** белые кони поэтических грез из сновидений становятся символами красоты, доброты, теплоты и чистоты. Но сквозь все эти видения проступает еще одно — сквозное и для лирической героини самое важное — облик любимого.

Впрочем, не всегда он для нее явственен, отчетлив. В стихотворении **«Не знаю, наяву или во сне...»** (из той же серии поэтических сновидений) лирическая героиня пытается представить себе образ любимого, живущего «в дальней стороне» («какой он там?»), и не может («все непонятно мне»). Но она все равно уверена, что «он помнит, помнит, помнит обо мне».

Поэтические сновидения у Закусиной отнюдь не всегда мажорны. Они могут быть окрашены и печалью, и тревогой, и страхом. В стихотворении **«Я, как с жизнью своею...»** женщина во сне прощается с возлюбленным, «как с жизнью своею». Сон этот пугающе навязчив, поэтому крепнет в героине желание, пока любимый с нею, «надышаться» им. А то и вовсе возникает на грани сна и яви фантом давней любви, как тень от дыма на снегу, и светит возлюбленный «далекой улыбкою» (**«Из трубы — дым...»**).

«Сновиденческие» стихи Закусиной заставляют вспомнить знаменитую серию офортов Франсиско Гойи «Капричос» (причуды), информационной основой которой тоже были собственные сновидения художника. Одна из самых ее известных работ называлась «Сон разума рождает чудовищ». Чудовища — не чудовища, но героиня стихотворения **«Не спится ночами...»** утверждает, что во снах «летают над нами ночные тяжелые птицы», которые утром превращаются в рассвет, оставляя в душе тревожный вопрос, чьи же это «души томились // пытаюсь к душе прикоснуться», «чьи лица уснуть не дают нам». А вот в **«Сюрреалистическом сне»** картина рисуется и впрямь чудовищная. Этакая жуткая экологическая антиутопия о временах конца 21 века, когда «рябина цветет», «но

нет на земле человека, // лишь тень его злая растет», а «травя-мурава, что ершилась в подворьях, // сегодня, как лес», и «плавает в заводи окунь // из каждой икринки — рука». А все из-за того, что «свет разума, гордость науки, // добрался до сути Земли», но «мы, неразумные внуки, его и себя подвели».

Со временем поэтические сновидения Нелли Закусиной делались все изобретательнее, изощренней, художественно совершенней, но тот «Ночной звонок» из ее дебютной подборки так и остался для всех них отправным моментом и истоком.

«Сновиденческих» стихов у поэтессы много. Можно сказать, целая ветвь в ее творчестве. И невольно удивляешься такому стойкому вниманию к миру ночи с его особым бытием и аурой. Хотя удивляться, в общем-то, и нечему. Просто ночь для Нелли Закусиной особое время суток. По ночам к ней приходят стихи...

В одном из газетных интервью Нелли Михайловна отмечала эту свою особенность:

«Я — ночная. Есть единственное стихотворение, которое я написала утром. Оно называется «Утренние стихи». Все остальное только ночью.... А прозаики, наоборот, работают только утром. У них должна быть ясная, свежая голова. А у поэта должна быть голова задуренная — на грани полусна, полубреда, полуяви. В стихах должна быть какая-то задуренность... Поэтому только ночью. Словами это трудно объяснить. Всю ночь пишешь, потом удивление: откуда это?...»³.

Почти по Ахматовой: «Налево беру и направо... // Немного у жизни лукавой, // И все у ночной тишины».

Утверждение, что ночь лучшее время для стихов, а «задуренность» — чуть ли не родовая черта поэтической стихии, возможно, и спорно, ибо у каждого поэта таинство рождения стиха свое. Но Закурина говорит за самое себя. И тем, кто знаком с ее творчеством, с ней трудно не согласиться. Во многом очевидна и ночная природа ее стихов (и не только «сновиденческих»), и явная «задуренность» некоторых, когда суть и смысл остаются где-то на периферии, а на передний план выходят (на грани подчас психической раздвоенности) ощущения и эмоции.

Когда-то Елизавета Стюарт признавалась:

Я разглядеть секрета не могу:
Внимательно стихи ее читаю
И в них не все порою понимаю,
Но я себя ее волненьем жгу.

Написано про другую сибирскую поэтессу — Нину Грехову, но, я думаю, нечто подобное можно сказать и про Закурину, эмоциональной взволнованностью своих поэтических произведений способной несколько не хуже Греховой воспламенить читательские сердца. Есть что-то и по духу близкое между этими двумя поэтессами, которых на заре их поэтической юности связывала большая дружба. Вместе с тем заметна и ощутимая разница: Закурина даже в самых своих «задуренных» стихах все-таки гораздо более земная и реальная, чем «нездешняя», витающая в облаках своих поэтических иллюзий Грехова.

Еще одно стихотворение дебютной сибогневской подборки Закуриной «**Это добрый человек, он очень добрый...**» представляет собой развернутый метафорический образ человека, способного талантом своим и силою искусства преодолеть времена, пространства и национальные барьеры.

А завершалась та подборка светлой и милой иронической зарисовкой «**Грустная шутка**», где «седой авторитетный человек» сидит на скамейке в сквере и плачет. «И даже слез не прячет, // и словно даже светится от слез». А когда его спрашивают, не помочь ли

³ Нелли Закурина. «Спаси меня от зла непониманья...». // «Вечерний Новосибирск», 14 июля 2000 г.

чем, он отвечает: «Чего уж, я поплакать не могу?» Ну, хочется человеку, как в детстве, поплакать чистыми непорочными слезами!..

В общем, в сентябре 1966 года поэтический дебют Нелли Закусиной на страницах журнала «Сибирские огни» состоялся. Опубликованные стихи той говорили о таланте и самобытности начинающего автора, его оригинальном образном видении и способности к поэтическому перевоплощению. При этом, конечно, поэтический облик той Закусиной, который сложится через десятилетие, когда она станет профессиональным писателем, в них если и просматривался, то пока еще весьма смутно.

7. У реки Селенги

...Авторские экземпляры журнала со своими стихами Нелли получила уже в Бурятии, куда их по почте выслала редакция «Сибирских огней».

К этому времени Закусина занимала должность старшего архитектора Иркутского отделения института «Промстройпроект» в Улан-Удэ, где занималась проектированием промышленных предприятий. Оказалась она здесь как «молодой специалист» после окончания института «по распределению».

Распределиться Нелли могла и в куда более комфортные места — вплоть до черноморского побережья. Выбор у их курса был большой. И до сих пор ее институтские однокашники разбросаны по бывшим союзным республикам. Но Нелли никогда не воспринимала южные красоты. Другая красота ее взрастила — сибирских просторов: таежных ли, степных...

С последними тесно связан была ее «сознательная» детско-отроческая пора. И не случайно в одном из стихотворений Закусина с теплотой и благодарностью называет степь своей колыбелью («**Колыбель моя, степь...**»), а песню жаворонка в поднебесье над степным простором воспринимает для себя как «золотую награду». В другом же («**Степь**») — неброскую, но по своему колоритную красоту степной Барабы подчеркивает она зримой и живописной сибирской деталью — «одуванчиков головками», которые «в траве, как денежки, блестят».

Впрочем, потянуло ее, все-таки, не в западносибирские степи, а в незнакомую, за две тысячи верст от них Бурятию. Но и тут, думается, все достаточно объяснимо, если вспомнить, что родилась Нелли Закусина в Могоче, которая всего-то километров на девятьсот восточнее Улан-Уде, что по местным меркам — не расстояние, и что «бессознательный» период ее детства прошел среди таких же таежных сопков, что и в Бурятии. Так что выбор «молодого специалиста» Нелли Закусиной вполне можно отнести на счет некоего подсознательного «зова», зародившегося еще в глубинах младенчества.

Хотя имелась и другая причина — отнюдь не метафизического или романтического толка. В Бурятию Нелли поехала не одна. Еще студенткой она вышла замуж за однокашника, с которым дружила с десятого класса. На четвертом курсе у них родилась дочь. Молодого главу семейства распределили в Улан-Уде, и, если смотреть с точки зрения семейного положения, то Нелли потянулась за ним, как нитка за иголкой. Он сразу же занял высокую должность главного архитектора бурятской столицы. И в этом не было ничего удивительного, если учесть, что до их с Нелей приезда в здешних краях дипломированных архитекторов не имелось вообще. Так что в определенном смысле молодая семейная пара стала первопроходцами.

Работа по специальности не могла заглушить у Нели тягу к литературному творчеству. Джин уже был выпущен из бутылки. Тем более что и сама Бурятия вдохновляет Закусину на создание новых поэтических произведений, и долго еще после, уже за ее пределами, будет оставаться одним из творческих источников поэтессы.

Со временем сложится у Нелли Закусиной весьма значительный (и в количественном, и в качественном отношении) цикл стихов, навеянных впечатлениями и ощущениями бурятского периода ее жизни.

«Езжу по Бурятии и люблю этот край», — писала она в одном из писем Александру Плитченко. И не случайно некоторые ее «бурятские» стихи, становясь как бы поэтическим следом тех поездок, имеют конкретную географическую привязку. Как, например, стихотворение «Северобайкальское», или поэтический этюд «Закамна» об одном из заповедных уголков горной Бурятии.

Стихотворение «Утаты» названо по имени бурятского села, которое в переводе на русский язык означает «дымчатое». Дымчатым печальным воспоминанием о человеке, жившем в одном из его домов, похожем на «желток яичный», но безвременно ушедшем, пронизан и сам этот лирический этюд.

А вот светлая воздушная зарисовка «Перевал Шар-Азарга» дает почувствовать нам, какие ощущения испытывает водитель машины, преодолевший затяжной подъем на один из забайкальских перевалов с поэтическим названием (в русском переводе — «Желтогривый жеребенок»).

В стихотворении «У реки Селенги...» на фоне главной реки Бурятии разворачивается очередной сюжет извечного любовного треугольника, примечательного, в свою очередь, тем, что в нем драма девушки, которой «перебежала» дорогу более ретивая соперница, передана в форме народного песенного стиха, благодаря чему при минимуме изобразительных средств автору удается добиться ощутимого художественного эффекта. Вовлекает Закузина географические названия Бурятии и в сам процесс стихосложения, рифмуя, например: «Улан-Удэ — быть беде, у Селенги — твои шаги» («Улан-Удэ»).

И, конечно же, не могла Нелли Закузина обойти своим поэтическим вниманием такую знаковую достопримечательность Бурятии и символ всей Сибири, как Байкал. Его образ прямо или косвенно появляется в поэзии Закусиной не раз. В различных, при этом, поэтических формах. Так, стихотворение «На Байкале» стилизовано под древние японские трехстишья с той, правда, разницей, что в классическом «хокку» непременно указывается время года, а здесь — время суток.

О форме «Байкальских сонетов» говорит за себя уже само их название. В этом поистине космогоническом цикле два исполина — Небо и Байкал — предстают как нечто единосущное и нераздельное. Водная стихия как бы продолжает стихию небесную: «Лежал под небом голубой Байкал, // и всматривался в синь небес». Но, подчеркивает автор, сходство тут больше внешнее, и поражает «не сочетанье облаков и скал», а «гул подводный // и вселенский шум, // что заполняли Небо и Байкал». «Байкал и Небо, — продолжает свое поэтическое сопоставление Закузина, — неразделимы», как «вечных две судьбы». Они «как пара одинаковых зеркал — Байкал и Небо, Небо и Байкал». Сущность космогонического ощущения, как известно, в том, что простирается оно от малого до бесконечного, от индивидуально-личностного до бездонно космического. И не случайно лирическая героиня, давно расставшаяся с домиком на озере, все время возвращается к нему памятью: ей кажется, что «покинутый среди равнодушных скал, // так беззащитен без меня Байкал». С другой же стороны, сам Байкал, а через него и «весь мир» становится для лирической героини как бы вечным домом и вместилищем ее печали, «любви и памяти».

Не только Байкал, но и вообще все в окружающей природе напоминает лирической героине о безвозвратно потерянном любимом: «Это ты здесь ходил. // Это ты улыбался, сердился, // вспоминал обо мне». («Это лес голубел...»). Ей кажется, что его память о ней «голубея, по сопкам клубится» и «золотою дорожкой искрится», «растворяется меж облаков». Память, которая оказывается вне времени и пространства («я жила в твоей памяти // столько веков, // не старея»).

Стихотворение «Мы разве знали, разве знали...» как бы продолжает предыдущее. Но здесь лирическая героиня задается вопросом, на который не находит ответа: почему их

любящие сердца так и не смогли соединиться? Не хватило силы для преодоления обывательского мнения («сказали люди: разве с нею он дом хороший заведет»); и она оказалась для этого «слабовата», и он «не смог, // не заступился, // не догадался, может быть...»?

И остается только незатухающая память о дорогом человеке в ответ. Пусть даже в самых незначительных ее проявлениях. Как в стихотворении «**Белый миг**», где лирическая героиня, «каждый год, робея и старея», пытается воскресить «тот миг далекий», когда провожала она в «сорокаградусный мороз» своего возлюбленного, с которым ей свидеться больше не довелось. Драма до срока оборвавшейся любви в контексте морозной сибирской зимы высвечивается еще ярче и сильнее.

В стихотворении «**Охватил меня запах зимы...**» драма любовного разрыва и вовсе изображена в органической связи с зимним пейзажем. Картину круто морозного безветренного утра подчеркивает прямо-таки циклопическое сравнение вертикальных печных дымов с фантастическими столбами-опорами подпирающими небо. На их фоне каждый шаг лирической героини на снегу, уходящей «решительно прочь» от того, с кем не сложилась судьба, болезненно отзывается в ней: «По живому идешь!» А «раздавленный снег», что к ногам ее «мертво прилип» не пускает из дома.

Не всегда, конечно, природа в стихах Закусиной становится соучастницей любовных драм, но практически никогда запечатленные поэтессой ее картины не обходятся без человеческого присутствия. Более того, именно человек одухотворяет и пересоздает эти картины согласно своему видению и ощущению, именно он становится тем «гвоздем», на котором они должны держаться. Как происходит это, например, в стихотворении «**Художник**». Поэтесса рисует портрет известного бурятского живописца, находящегося в состоянии творческого процесса. «Заковал мороз» все окна мастерской, а на холсте под рукой мастера, «как под крылом весенним, // бежали с гор ручьи», «а кисть его косила // зеленую траву // на склонах голубых...».

Поначалу очень не хватает Закусиной в Бурятии той насыщенной творческой атмосферы, которая окружала ее в родном городе. Она тоскует. И это ощущение замороженной зимней тоски, от которой спасает лишь дружеское тепло, хорошо передано в стихотворении «**Письмо**», написанном в форме лирического послания из сибирской глубинки другу в большой город.

Сама же Нелли спасалась от той тоски перепиской с молодыми новосибирскими поэтами. Эпистолярное общение было очень тогда популярно у членов литобъединения Фонякова. Переписывались все со всеми. Где бы кто ни находился. Это стало одной из форм их поэтического «братства». Писали «до востребования». И не случайно член объединения Фонякова поэт Анатолий Соколов впоследствии отмечал, что одним из мест концентрации поэтической жизни в Новосибирске в шестидесятые годы был Главпочтамт. Закузина принимала в этом процессе самое активное участие. А Главпочтамт и далеко за пределами родного города был для нее местом, «сулящим праздник», домом, где «из окошка сыплют строчки» дружеских посланий («**Праздники**»).

Писала Нелли многим, но самой душевной и доверительной была переписка с Сашей Плитченко. С нее, собственно, и началась их дальнейшая многолетняя дружба.

Со стихами Плитченко Нелли познакомилась раньше, чем с самим автором. Они сразу же привлекли ее прозрачностью и ясностью мысли, чистотой и глубиной. В них отсутствовали «навороты», изыски, которыми грешили многие молодые поэты, скрывавшие за ними свое скудомыслие, зато чувствовалось нечто истинное, природное, что было Закусиной особенно близко. Они были с Сашей практически ровесниками, но для нее Александр Плитченко, стал, по сути, одним из поэтических учителей. Он тоже захаживал в лито Фонякова, однако так получалось, что пути их почти не пересекались,

Впервые увидел ее Плитченко воочию в редакции «**Кадры стройкам**». И она оставила неизгладимое для него впечатление, в чем и признавался он позже ей в письмах с

Дальнего Востока. «Ты мне понравилась тогда в «кадрах» — ты была похожа на рысь, — писал он в одном. «Ведь ты — рысь, и я это понял сам, первый и давно...» — читаем в другом.

В дальнейшем пересекались они с Плитченко совсем немного — всего раза четыре. А потом его призвали в армию, и он уехал служить во Владивосток, на Тихоокеанский флот. Нелли попросила еще одного своего близкого друга, Геннадия Абольянина⁴ дать ей армейский адрес Плитченко. (Интересно, что и он тоже интересовался у Абольянина ее адресом). Письма они отправили друг другу одновременно. И завязалась переписка, продолжавшаяся годы.

Письма, письма... Прекрасные поэтические, душевно лирические, романтические, красочно-образные. На телеграфных и канцелярских бланках, почтовых открытках, даже на оборотах строительных схем и чертежей... Писали обо всем, что казалось интересным, дарили друг другу поэтические строчки и целые стихи. И звучала в этих письмах, как скажет сама Закусина, «особая нотка: неформальная, доверительная».

Сам, подписываясь всегда «Сашка», звал Александр Плитченко Нелли Закусину Ладой.

«Лада, — писал он в одном письме, — будь такой, какой тебя люблю, Знаю, помню». «Люба, моя, Лада моя, птаха моя, Нелка...», — вторил в другом.

Любовью пронизана вся вообще вся их переписка. Особенно письма Плитченко. Чуть ли не в каждом «люблю» или «люблю крепко и всегда», «люблю всю жизнь». А то и вовсе — «я люблю тебя насовсем...».

В декабре 1965 года в одном из писем «Сашка» слал Нелли ностальгические строки:

Ты берег осенних морей,
Тоской по родимому краю,
Судьбою нескладной моей,
Прибоем к тебе приникаю.

А позже, отслужив и вернувшись домой, он писал ей из Каргата в Бурятию:

Ты птаха, да не та.
Со звездного куста.
Ты птаха, да не та.
Воронам не чета.
Ты — свет далеких гор
У озера Байкал.
Ты — вольный разговор
Ветров по облакам...

Вместе с тем эта их эпистолярная связь (а переписывались он даже тогда, когда уже работали вместе в «Сибирских огнях») оставалась при всех чувственных любовных признаниях и излияниях, доверительной интонации скорее платоническо-поэтической, нежели сугубо интимной. Чем, кстати, для замужней Закусиной, имеющей дочь, и была особенно ценна.

Впрочем, и «Сашка» на ее семейную целостность не посягал. Скорей целомудренно оберегал. «Я буду твоим побратимом», — обещал он ей. Им и был по большому счету. А ей как сестре и наперснице поверял свои чувства и чаяния. А для него как поэта была она настоящей Музой, вдохновлявшей его на новые творения. Ей посвящал стихи и даже

⁴ Геннадий Михайлович Абольянин — новосибирский инженер, книжный коллекционер, просветитель. Дружил со многими известными литераторами. Многие новосибирские поэты, Закусина, в том числе, посвящали ему свои стихи.

целые циклы (например, цикл стихов, навеянный путешествием по Средней Азии «Орнамент»).

К «Сашке» Нелли взаимно относилась как к поэтическому брату. Легкая тень их нежной поэтической связи еще долго будет скользить по ее стихам.

Поддерживая эпистолярную связь с родным городом, Нелли Закусина присматривалась и к местной литературной жизни, которая тут тоже шла, пусть и не так бурно, сосредотачиваясь преимущественно вокруг республиканского литературно-художественного журнала «Байкал».

«Байкал» печатает стихи Закусиной. По заказу редакции журнала она пишет очерк о старинном забайкальском городе Кяхте. Практически одновременно возникает поэтический триптих «**Кяхта**» о городе «на краю родной земли», что «невелик и невысок, тротуары деревянные, песок», в котором «что ни дом, то история моей России в нем».

В работе над очерком Нелли очень помог собственный корреспондент Всесоюзного радио Александр Трухачев, с которым она подружилась здесь, в Бурятии, куда его, выпускника МГУ и прекрасного журналиста фактически сослали за «инакомыслие». Александр был более чем на десять лет старше Нелли и относился к ней по-братски. Он прекрасно знал поэзию, особенно любил Есенина. Сам был на него чем-то похож. Нравились ему и Неллины стихи. Он даже несколько радиопередач с ее поэтическими выступлениями организовал. Поскольку редакция «Байкала» не располагала своим автотранспортом, то благодаря его помощи и на соборовской машине Всесоюзного радио она смогла побывать сначала в Кяхте, а потом и в горных районах Бурятии, в Закамне, на Байкале. Александр вообще много помогал и многому научил Нелли.

Умер Трухачев внезапно, скоропостижно. Смерть его Нелли потрясла. И родилось горькое, полное чувства трагической утраты стихотворение «**Душно пахнет бензином...**» — одно из немногих в творчестве Закусиной, где все предельно реально, почти документально. Вот снова едет поэтесса в машине Трухачева, которую опять ведет неизменный его водитель Смагин. Да только нет рядом, и уже не будет никогда самого хозяина:

Тихо плещется горечь
В папиросном дыму.
Как все страшно нелепо...
Мы — без друга в пути...

И стихи Нелли Закусиной, в первую очередь, напечатанные «Сибирскими огнями», пользовавшимися в Бурятии огромным авторитетом, и на славу удавшийся очерк стали для Нелли Закусиной лучшими рекомендациями. В декабре 1968 года известный бурятский писатель и главный редактор журнала «Байкал» Африкан Андреевич Бальбуров пригласил ее на должность редактора отдела очерка. Нелли без раздумий согласилась и ушла из «Промстройпроекта».

Жизнь ее круто изменилась. Правда, еще и по другой причине. Одновременно она ушла и от мужа.

Еще до ухода она писала Плитченко: «Семьи, как это принято понимать, нет. Но и скандалов, и больших радостей нет». И все больше тяготит ее семейная жизнь. Хочется «уехать и Улан-Удэ, из мужа, из этих сопок. Спокойно, без всякой ругани. Пусть он живет в главных архитекторах, в депутатах горсовета, в двухкомнатной квартире...».

Ушла она пока ни к кому. Но одиночество продолжалось недолго. Летом следующего года Нелли Закусина встретит мужчину, с которым свяжет всю дальнейшую жизнь. А еще через год они официально оформят свои отношения, и новый муж, Юрий Августович Загородный, увезет ее в родной Новосибирск.

Летом 1970 года Нелли Закусина простилась с Бурятией:

Прощай, Бурятия, прощай.
Твоя задумчивая осень,
Скользнув меж порыжелых сосен,
Щеки коснулась невзначай...

Отголоски этого прощания еще не раз будут слышны в поэзии Закусиной.

В поэтическом этюде **«Скользило солнце около воды...»** сквозь прозрачную воду Селенги, как через волшебное увеличительное стекло, проступит вдруг воспоминание о бурятской молодости, когда мир казался правдивей, «проще и сердечней».

Не однажды возникнет у Закусиной и метафорический образ уходящего поезда. Он то олицетворение разлуки (**«Всколыхнулась в душе...»**), то странный пассажирский состав, движущийся «между сопок // возле озера Байкал», в вагонах которого «словно в сотах, лица всех, кого искал» (**Поезд надежды**).

А вот героине стихотворения **«Узнав настоящую нежность...»** катастрофически недостает нежности любимого. Масштаб этого дефицита как раз и подчеркивает образ поезда, летящего «по гудящей промерзшей земле». Едва различая сквозь мглу вагонных окон «слепой горизонт», лирическая героиня приходит к выводу, что «вот так же в глазах твоих — // крохи любви и тепла, // вот столько же нежности в сердце // отпущено мне».

8. Время серьезных ожиданий

С немалыми надеждами и ожиданиями возвращалась в Новосибирск Нелли Закузина. Однако поначалу не все складывалось, как хотелось бы. А хотелось, прежде всего, продолжать работу со словом. И Нелли устроилась в редакцию областной комсомольской газеты «Молодость Сибири», где она раньше активно печаталась. Но продержалась она в «молодежке» очень недолго. Написала несколько материалов и ушла. Слишком душно, по сравнению с «Байкалом», ей здесь показалось.

А тут неожиданно нагрянула беда: осенью 1970 года скоропостижно скончался отец Нелли. Изрубцованное шрамами прежних инфарктов, заработанных в бесконечном геодезическом экстриме, сердце Михаила Алексеевича Закузина на сей раз не выдержало. Было ему, совсем еще не старому мужчине, 52 года.

Смерть отца явилась для Нелли огромной утратой. Она выросла, по ее признанию, в лучах его любви. Был он для нее не просто отцом, а и образцом настоящего мужчины. И не случайно первый ее поэтический сборник открывается стихотворением **«Спустилась с теплого крыльца»**, посвященным памяти отца. Оно пронизано любовью и к нему, и к тому миру первозданной природы, который он, по убеждению поэтессы, собою олицетворял («в глаза отца вошли, застыли // цвета далекие тайги...»). И не без отцовского влияния («а может, это голос крови?») почувствовала она свою необходимость «земле, с моей большой любовью».

Проступает образ любимого отца и в более позднем стихотворении о топографе, испытывающем душевную маяту накануне полевого сезона (**«Тихо, тихо душа заболит...»**).

Расставшись с «молодежкой», Нелли сменила еще несколько мест работы. Найти что-то подходящее, даже по своей прежней профессии было нелегко. За непродолжительное время она успела поработать в СХКБ (специальном художественно-конструкторском бюро), в архитектурно-конструкторском бюро Электровacuумного завода. И там и тут были у нее свои авторские разработки. От СКХБ несколько раз ездила на Урал защищать собственные дизайнерские «произведения». На заводе проектировала интерьеры цехов и общественно-культурных помещений. И все вроде бы замечательно: и платили хорошо, и работа непыльная. Но удручал сам масштаб и уровень того, что она

делала. «Нарисуйте, пожалуйста, интерьер праздничной первомайской колонны», — озадачивало ее начальство, или, того лучше, — «нарисуйте интерьер козырька над парадным входом заводууправления». А Нелли хотелось простора и полета, где бы она могла сполна выразить себя. Поэтому когда один из друзей-архитекторов позвал ее в СибЗНИИЭП (Сибирский зональный институт экспериментального проектирования), Нелли не то слово «пошла» — побежала.

Работать в таком мощном проектном учреждении, на чертежных кульманах которого рождались современные дома, жилмассивы, новые сибирские поселки и города, для Нелли было настоящим счастьем. Простора для полета творческих идей здесь хватало с избытком. Да и ее здесь уже знали. Преддипломную практику Закурина проходила в Москве, в ЦНИИИЭПе, региональным отделением которого являлся СибЗНИИЭП. (Связана практика была с реконструкцией московской гостиницы «Юность» и проектированием новой гостиницы на Ленинских горах). А когда защищала диплом по экспериментальному проектированию, в государственной комиссии сидели как раз те люди, которые теперь руководили СибЗНИИЭПом.

Занималась старший архитектор СибЗНИИЭПа Нелли Закурина планировочной архитектурой, участвовала в разработке проектов поселков Горного Алтая и города сибирских нефтяников Нижневартовска, ездила в командировки на места будущих поселений, чтобы увидеть их в натуре. Работала увлеченно, с удовольствием...

Однако и с литературой не порывала. Продолжала ходить в «литю» к Фоякову, выступала перед читателями по линии Бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей. Но главное — писала стихи, которые публиковала местная пресса, «Сибирские огни», где к началу семидесятых годов у Закуриной появилось еще несколько стихотворных подборок.

А в 1972 году в Западно-Сибирском книжном издательстве с благословения Елизаветы Стюарт, рекомендовавшей его, вышел первый сборник стихов Нелли Закуриной. Назвала она его «**Мой светлый день**».

Книга и впрямь получилась в основном светлой, мажорной по ощущению и настроению. Лирическая ее героиня живет в «озолоченном» щедром солнцем «размахе земном» («**Как солнце круглое летело**»). И, выражая это свое радостно-приподнятое состояние, в пейзажной зарисовке «**Ах, этот запах листьев прелых...**» она восторженно восклицает: «В лесу весеннем столько жизни, // что кажется — ей нет конца!» И здесь не просто поэтический пассаж, фигура речи, а непосредственное тогдашнее самочувствие самой Нелли Закуриной, полной далеко идущих надежд, устремлений и больших ожиданий.

«Удачлива, светла и беззаботна, — начинается одно из ее стихотворений той поры, — всегда во всем правдива и права. // Любимый дом, любимая работа...». Нечто подобное Закурина могла бы сказать и непосредственно о самой себе. Потому что и у нее тогда все складывалось хорошо. Не хватало, как и лирической героине другого стихотворения («**Огорожено время мое**»), пожалуй, только одного — знать, что ждет ее за «незаметной, сплошной горькобю» отпущенной ей жизни.

Весной 1973 года в семье поэтессы — пополнение. Теперь у нее «как две вишенки — дочки», Ирина и Настя, которым она посвящает одноименный стих. Очень чувственный, красивый, но и исполненный глубокого смысла, ибо поэтесса не только любит своими красавицами-дочерьми, а видит в них «оправданье» собственной жизни и свое «продолжение».

А в октябре того же 1973 года Закуриной позвонил Илья Фояков и сообщил, что в Западно-Сибирском книжном издательстве в редакции художественной литературы освободилось место литературного редактора, и он рекомендовал на него Нелли. А следом второй звонок — уже от заведующей этой редакцией с официальным предложением. Нелли здесь знали, поскольку она с редактором работала над изданием своей первой книжки.

Все четыре года после возвращения в Новосибирск Закусина втайне надеялась вновь оказаться на литературной работе. А теперь вдруг испугалась. Ведь согласиться — значит, сделать, наконец, окончательный поворот в литературную сторону. Да и как бы в грязь лицом не ударить — после «Байкала» уже немало воды утекло. И Нелли попросила сделать ей проверку. Написала несколько редакционных заключений, отредактировала рукопись. И вот свершилось! Зарплата в издательстве была раза в два меньше, чем в СибЗНИИЭПе, но Нелли все равно была счастлива.

А через полгода Закусину попросили стать еще и литературным консультантом в областной газете «Советская Сибирь». И более десяти лет потом она успешно совмещала редакторскую службу (сначала в издательстве, затем в «Сибирских огнях») с работой газетного литконсультанта.

Преодоление раздвоенности и окончательный переход на литературные рельсы самым положительным образом сказывался и на собственном поэтическом творчестве Нелли Закусиной. Работала она в семидесятые годы плодотворно, писала много и о многом, да и печаталась уже не только в сибирской литературной периодике («Сибирские огни», «Байкал», «Полярная звезда», «Огни Кузбасса»), но и в столичных «толстых» журналах — «Москва», «Нева», «Молодая гвардия». Количество переходило в качество, все отчетливее проявляя читателю интересную самобытную лирическую поэтессу. Об этом красноречиво свидетельствовали не только журнальные публикации, но и выходявшие с завидной регулярностью новые книги Закусиной: «У сентября спокойное лицо» (1976), «Непослушная кукла» (1978), «Свет любви» (1979), «Звезды в колодце» (1981)...

В 1976 году, сразу же после выхода сборника «У сентября спокойное лицо» Нелли Закусину принимают в Союз писателей, тем самым узаконивая ее в статусе поэта-профессионала.

А еще через год она переходит в редакцию «Сибирских огней». Журнал и Западно-Сибирское книжное издательство в то время в производственном отношении составляли одно целое, а «Огни» были подразделением этого издательского комплекса. Поэтому Закусина как бы переходила из одного «цеха» в другой. Тем более что за четыре года редакторской работы в издательстве Нелли Михайловна успела себя прекрасно зарекомендовать, за плечами у нее были две книжки и членство в СП. Так что ее появление в редакционном коллективе журнала было логичным и естественным. Что касается самой Закусиной, то работать в этом знаменитом на всю страну журнале было пределом ее мечтаний. И она этого «предела» достигла. И «задержалась» в «Сибирских огнях» почти на двадцать лет. О причине столь долгой связи говорить не приходится. Сама же Закусина, отвечая в одном из интервью на вопрос о том, что значили в ее творческой жизни «Сибирские огни», отвечает коротко: «Всё!»

9. «Родная сторонюшка»

К жизни журнала его «золотой поры», которая пришлась на вторую половину семидесятых и восьмидесятые годы минувшего столетия мы еще вернемся, а пока попытаемся воспроизвести тогдашний поэтический облик Нелли Закусиной, набирающей высоту.

Существует расхожее мнение, что биографию поэта надо искать в его стихах. А иные стихотворцы так и вовсе, как говаривал один известный критик, «не могут оторваться от титки биографизма». Но это как раз не про Закусину. Хотя, конечно, произведения ее почти всегда очень личностны и слышны в них бывают отзвуки собственной жизни и судьбы, но редко обнаружим мы прямые автобиографические параллели.

С другой же стороны, и отстраниться полностью от себя самой и жизни своей поэтесса тоже не могла, ибо всякий художник, как известно, выражает прежде всего себя в окружающем мире и его, мир этот, через себя. Особенно в пору творческого созревания. Потому и отдавала Нелли Закурина естественную поэтическую дань тому наиболее для нее важному и существенному, чем она жила. А жила она, представительница поколения, чье человеческое, гражданское и профессиональное становление (архитектурное и литературное) пришлось на годы бурных социально-технических преобразований в стране, делами и проблемами своего одновременно рационального и эмоционального (романтического) времени. Насколько все это было близко ей и находило отклик в ее душе, я имел возможность убедиться «вживую» уже тогда, при первом нашем знакомстве, когда вели мы беседу о взаимосвязи НТР и поэзии.

Естественно, что не могло все это не оставить отпечатка и в поэтической работе Закуриной. Не могла, скажем, остаться «за кадром» ее «архитектурная» молодость. Она и отразилась в поэме «Стены», целиком ей посвященной. А еще раньше в стихах «Самотлор», «Небо над Нижневартовском», лирическая зарисовка «Рассвет у моста»...

В последней городской мост через реку на рассвете увиден автором особым поэтическим зреньем и вызывает у него неординарные ощущения. В эту предутреннюю пору видится он, «как чей-то путь и надежда» и «неразгаданная страница», и «в душе зарождается чувство, // что обжитая наша планета // обнажается и пустеет». Двигаясь дальше по пути поэтического обобщения, поэтесса приходит к выводу, что «все мосты в этот час едины // фантастично-реальным сходством». Что и нашло у нее в стихотворении в настолько же оригинальном, насколько и зримом, четком, как чертеж, образе, в котором чувствуется рука не только поэта, но и проектировщика:

Как будто одно предплечье
И единственный в мире локоть,
Как единственная забота,
Как протянутая рука.

В «Небе над Нижневартовском» поэтесса приезжает в город нефтяников, который она, будучи архитектором, «когда-то рисовала, как пеленала» на ватманском листе. И вот теперь видит уже не в чертежах, а воочию. Подобно молодой матери, недавно разрешившейся первенцем, которой его только что принесли после родов, любовно и пытливо всматривается она в черты малыша, пытаясь понять, насколько он ей удался:

Ну, здравствуй, мой ребенок,
мой законный,
мой долгожданный!
Как ты неказист...
Мой невеликий город,
рожденный, но воспитанный не мной.

Не все в нем, к сожалению, пока соответствует задуманному. Как отмечал в свое время А. Никульков, «лирическое настроение здесь сливается с гражданственным сознанием, что проекты наши не вполне воплощаются в жизнь»⁵. Однако, несмотря на то, что Нижневартовск пока еще «гадкий утенок», в нем уже угадывается та «стать лебяжья», которую когда-то рисовало воображение ее родительнице за кульманом. Поэтесса слышит в новорожденном городе «пульс земли, // дыханье и нефтеобращение земли», и гордится им, веря в большое и замечательное будущее своего детища.

⁵ Никульков А. Поэтический мир Нелли Закуриной. // Нелли Закурина. Стихотворения и поэмы. («БСП»). — Новосибирск, 1987.

Возвышенно и приподнято пишет Закусина и о жемчужине Нефтяного Приобья легендарном Самотлоре. Гораздо важнее, однако, другое. Поэтессе удается передать удивительную и неповторимую красоту и поэзию технического прогресса. Нефтедобывающее производство Самотлора видится ей прямо-таки ирреальным царством неподвижных и бесшумных труб, где не заметно людей, хотя «человек присутствует, как бог, // невидим и неслышим. Но реальны // его следы между цистерн овальных, // следы обычных кирзовых сапог». И кажется поэтессе, что она на некоем фантастическом корабле стоит «у самого руля», и этот «корабль земной за будущим в погоне».

Но вот что интересно. Даже возвращаясь памятью к конкретным реалиям своего бытия, Закусина не стремится восстановить, реконструировать их в точности, а пересоздает согласно собственному поэтическому видению, благодаря чему находит и новые повороты знакомых тем, и свежие образы. Приведенные выше «нефтяные» стихи достаточно убедительное тому подтверждение.

Как и одно из очень немногих ее произведений о поре первоначальной стихотворение «**Детство**», юная героиня которого в стремлении узнать «истину — связь между небом и водой» в колодец «ведро упрямо опускала, // цепь до предела распустив». А «достав ведро — звезду искала, // что б из воды ее спасти». Конкретный эпизод далекого детства обретает метафорический смысл.

С «Детством» перекликается и как бы продолжает его более позднее стихотворение Закусиной «**Женщина и колодец**». Его героиня, возможно, та же самая девочка, только давно уже повзрослевшая. И ловит она не отражение звезды, а эхо своего голоса из глубины колодца, при звуке которого ей мнится, «будто на волю рвется» ее «собственное отраженье в воде».

Иной раз конкретная реальность у Закусиной становится не только предметом поэтического изображения, но и отправной точкой для серьезных выводов и обобщений. Как происходит это в стихотворении «**Ордынский тракт**».

Написано оно было, в сущности, по социальному заказу, что не помешало Закусиной избежать нередкой для такого рода словесности риторики и сделать рассказ об одной из многочисленных дорог Новосибирской области фактом подлинной поэзии. В конце 1970-х Западно-Сибирское книжное издательство задумало выпустить книгу о колхозе-миллионере «Большевик» под руководством Героя Социалистического Труда Юрия Будагова, которую составили бы произведения разных жанров об этом очень успешном сельскохозяйственном предприятии Новосибирской области. Закусину включили в число авторов коллективного сборника. И под ее пером родился настоящий гимн старинной транспортной артерии, пролегающей по полям этого колхоза, много повидавшей на своем веку и ставшей символом прямого и честного в жизни человеческой и его истории пути:

На ней не оступишься,
ночью с пути не собьешься,
и к цели придешь,
а захочешь —
обратно вернешься.

Для поэтессы она — и «дорога-трудяга», и «книга», и «память людская». Да и вообще — «всей жизни основа». Что удачно подчеркивается метафорическим сравнением, где дорога — «словно синяя вена вдоль тела земного».

В «Ордынском тракте» слышна переключка со стихотворением «Вдаль тянулась дорога...», где родная дорога тоже больше чем просто «путь сообщения». Она становится одной из важнейших и знаковых примет «родной сторонюшки», в которой истоки и корни человеческого существования.

Тема «родной сторонюшки», малой родины получает заметное звучание уже в творчестве ранней Закусиной. Впрочем, сама поэтесса уточняет, что для нее это не тема и

не образ, а естественное исконное чувство, корнями уходящее в многовековую историческую толщу.

Поэтическим тому подтверждением может служить триптих **«Бесследность»**. Его героиня ощутила однажды, что «через века вдруг гарью потянуло». И, словно воочию, представила себе мчащуюся татарскую конницу, сжигающую на своем пути села, убивающую мужчин, берущих в полон женщин (картина эта выписана ярко, зримо, осязаемо). Пламя тех древних пожарищ, запаленных ордой, то затухая, то вспыхивая вновь, проходит сквозь столетия, изнуря планету («земля моя, // планета голубая, // устала от безжалостных костров!»). И вот уже она, наша современница видит себя наследницей и преемницей тех женщин, которым была уготована участь пройти через завоевательские костры, и чувствует себя перед ними в «неоплатном долгу». И хочется сложить ей такую песню, какую не дали допеть ее погубленным предшественницам.

«Родная сторонushка» в поэзии Закусиной находит разное выражение. Если в одном случае (**«У родимой сторонushки...»**) она выписана в лубочно-сусальных, иконно благостных тонах широкими панорамными мазками, то в другом (**«Открываю калитку знакомого дома...»**), — малая родина, навсегда оставаясь в памяти лирической героини «краем сердечности» и «краем дорогого тепла», передается уже в точных, конкретных, узнаваемых бытовых деталях. Таких, как веник-«голик» в «студеных сенях», или «заливистый чайник», который «поет на плите». На подобных же деталях-приметах держится образ «родимой стороны» и еще в одном навеянном снами стихотворении **«Проснулись мы...»**. Лирической героине снится дом из далекого деревенского прошлого с деревянными половицами, где на стене «в ковре клеенчатом — жар-птица», «а со стены родня смотрела, // затиснутая в общей рамке. // И печка жаркая горела, // растопленная спозаранку», а в чугушке «борщ томленный». Мурлычет кот и прочее в том же духе. И невольно возникает ощущение, что идиллическая эта картинка будто сошла с того же клеенчатого ковра.

Но патриотическое чувство любви к «родной сторонushке» бывает выражено у Закусиной и весьма неожиданным образом. Вот как, например, изящно-оригинально обыгрывает она известную русскую поговорку «Каждый кулик свое болото хвалит»:

Хвали свое болотце, куличок!
Отстаивай свое святое право
любить камыш пожухлый и корявый,
речонки мелководной тупичок.
Хвали свое болотце куличок!

Здесь ночью отражается звезда,
теснятся диковатые кувшинки,
поют ночами тонко камышинки,
зеленовато светится вода.

Храни свое болотце, куличок!
И пусть в ответ насмешливому свисту
твой неподкупный остренький зрачок
посвечивает в заводи тернистой.
Храни свое болотце, куличок!

Здесь автор не просто оспаривает иронический смысл поговорки, но и таким своеобразным способом внушает читателям, что «свое болотце», то есть родной дом, «малую родину», без которой нет и Родины большой, — любить не только не зазорно, но и необходимо, несмотря ни на что.

Умение поэтически обыграть расхожие истины демонстрирует Закузина и в стихотворении **«Принять решение»**. Все мы, как аксиому, знаем, что «утро вечера

мудренее». А вот Закурина, ничему не доверяя априори, всё пробуя на свой поэтический «зуб», моделирует ситуацию, когда человеку требуется принять сложное решение, а оно ему не дается. Ни днем, ни вечером, ни ночью. «Но утро, словно «Суд идет!» // поймет все сразу... И пусть не то... но все равно решение примешь». Впрочем, стихотворение написано не только ради собственного художественного аргументирования известной мудрости. Поэтессе не менее важно показать еще и психологическую сложность самого процесса принятия решения, которая возникает, прежде всего, потому, что «душа в движении». И это ей удается.

Оставаясь патриотом своей родины и в лучшем смысле советским человеком, Нелли Закурина не закрывала глаза на социальные и нравственные болезни общества, в котором жила, говоря о них подчас с публицистической прямоотой и резкостью. Как происходит это в стихотворении «**Что почему?..**», где поэтесса негодует по поводу всепроникающей меркантильности, когда всё становятся предметом «купли-продажи». Даже краеугольные человеческие ценности — «верность, честность, великодушие, человечность...», которые одни пытаются перевести в денежный эквивалент, а другие схоронить на «черный день». Увидевшее свет на страницах «Сибирских огней» еще в далеком 1979 году, это стихотворение очень современно и актуально звучит и сегодня, за порогом XXI века.

Вместе с тем, для поэтики Нелли Закуриной оно не очень характерно, и в дальнейшем поэтесса отходит от прямолинейной публицистичности, понимая, что по большому счету гражданская лирика — это не социальная риторика, как бы злободневна она ни была, а отображение душевного состояния человека в контексте перипетий общественного бытия. В стихотворении «**Трудно привыкнуть к беде и печали...**», утверждая, что «сегодня мы все обнищали // в жизни и смерти», Закурина не просто уже декларирует свою мысль, а иллюстрирует ее весьма впечатляющей картиной нашего покалеченного существования:

Видим ли мы, что свеча золотая
у изголовья
гаснет.
И плачет глазница пустая
чистою кровью...

И нет сомнений, что картина эта окажет на читателя куда более сильное эмоциональное воздействие, нежели просто громыхание гневными словесами. Как и другая, уже аллегорическая («**Был страх мой необъятно серый...**»), рождающая ощущение зыбкости и туманности очертаний нынешней жизни. Лирическая героиня этого стихотворения в страхе «необъятно сером» идет по топкому болоту, не зная пути. Но повернуть назад — «еще страшней». Остается «скорей забыть, что было прежде. // Пусть неизвестность впереди» и продолжать двигаться вперед. Тем более что, ставит оптимистическую точку поэтесса, «ведь где-то там была надежда... // А значит — стоило идти».

10. Свет любви

Как видим, на рубеже семидесятых-восьмидесятых годов Нелли Закурина обращается к различным темам и пробует себя в разных лирических жанрах. Вместе с тем, назвав одну из книг тех лет «Свет любви», она, вольно или нет, совершенно точно выразила главную и всеобъемлющую суть своего творчества, которое при всем многообразии можно оконтурить одним очень емким понятием — любовь. Именно любовь является стержнем и вектором, нервом и источником духовной энергии поэзии

Закусиной, именно в любви видит поэтесса главные суть и смысл человеческого существования:

Пока люблю — живу.
Волнуюсь, открывая,
еще одну главу
той книги, где живая
и каждая строка,
и даже запятая,
и где, наверняка,
я вечно молодая.
И в блеске милых глаз
вновь вижу синеву я.
И верю в каждый час.
Пока живу — люблю я.

И неугасимым свечением любви отмечено у Закусиной все, о чем бы она ни писала. Даже произведения, казалось бы, совершенно далекие от интимной сферы. Те же, выше упоминавшиеся, «Самотлор», «Небо над Нижневартовском» или «Ордынский тракт».

Да и никогда в понимании и художественном восприятии Нелли Закусиной любовь не ограничивалась только взаимоотношениями полов. Уже в одном из ранних своих стихотворений «**Сколько надо любви!..**» поэтесса декларировала любовь как всеобъемлющее, глобальное чувство, объединяющее всё сущее в подлунном мире — от рек и лесов до журавлей в небе. Со всем этим ощущает она родственную связь: «это — сестры мои, это — братья мои», а себя — частью природного мира: «В каждом малом цветке // я себя узнаю». И с радостью участвует в его светлой и бесхитростной игре, где «всё размерено», и «нет фальшивых тонов» («**Утром рано встаю...**»).

Со временем понятие «любовь» в поэзии Закусиной обретает уже и лирико-философский смысл:

Останься в доме моем,
свет любви!
Останься,
раз ты посетил мой дом.
И я поделюсь с другими людьми
твоею щедростью и теплом...

Останься ради детей моих!
Останься ради моей земли!
Останься, чтоб до миров иных
лучи твои трепетные дошли.

Ведь только тогда будет Домом —
дом.
И Жизнью — жизнь.
И люди — Людьями.
Останься в доме и сердце моем,
и в мире моем, свет любви!

Образ осяянного теплым животворным светом любви родного Дома для Закусиной принципиально важен.

Он вообще, надо сказать, был очень популярен у поэтов ее поколения. В качестве некой лирико-философской субстанции он встречается у Геннадия Карпунина и Виктора

Крещика, Владимира Макарова и Сергея Донбая, Владимира Башунова и Нелли Созиновой, Владимира Балачана и Александра Плитченко.

В тех или иных вариациях возникает образ этот и у Закусиной. И хотя со временем появляется у человека собственный дом — чистый, светлый, в котором его ждут и окружают заботой, расставание с отчим домом навсегда остается для него невосполнимой утратой. Потому что «пусть не молод ты уже, // пусть не за горами старость, // но навек в твоей душе // что-то детское осталось» («Отсветился отчий дом...»).

Что касается традиционных и вечных мотивов мировой лирики, основанных на взаимоотношениях мужчины и женщины, то в поэзии Закусиной по мере ее творческого развития они звучат все более широко, многоголосо и полнозвучно. При этом поэтесса не боится, что все уже до нее сказано и спето о любви. Знать — нет, убеждена она, если новые и новые потомки Вергилия, отважно продолжают «как вечный двигатель, любовь изобретать». Потому что «старые рифмы любви» хоть кому-то, возможно, и кажутся старомодными для новых поколений, но они вечны и их «никто никогда не осудит» («Старые рифмы»).

С другой стороны, «сколько б ни писали о любви, все будет каждый раз неповторимо» («Вечная сказка»). Хотя бы потому, что «мир за окном знаком и вечно нов» а «новизна его непостижима» («Мир за окном...»). Для художников всех времен и народов не подвластная сознанию эта новизна оставалась вечным творческим двигателем. «Неповторимо» же еще и оттого, что в контексте неизбывной новизны постоянно «в движении» находится главный предмет поэтического и всякого другого искусства — человеческая душа. А в поэзии Нелли Закусиной, уточним, — это, прежде всего, душа женщины, всю жизнь и помыслами которой движет любовь.

Естественно, что для лирической героини Закусиной и любовное чувство не есть что-то застывшее, раз и навсегда затвержденное. Влеконое течением жизни, оно чутко отзывается на его извивы и неожиданности. С другой стороны, — им же (течением этим) соответственно и «редактируется». Отсюда не покидающий лирическую героиню покой, когда вроде бы и дома и на работе все в порядке, а «душа отчего-то так болит...» («Засмеялась неволью...»). Отсюда и часто непредсказуемая переменчивость любовных отношений, в которые она окунается с горячей надеждой, а выходит из них с холодом разочарования («Отплыла, откачнулась любовь...»). Впрочем, замечает поэтесса в стихотворении «Был день, как день. Поземкою мело...», «тепло и холод так неразделимы».

«Лед и пламень» — непреходящий знаковый признак мировой любовной лирики. Еще древнеримский поэт Гай Катулл, современник Цезаря, писал о своих чувствах к возлюбленной Лесбии: «И ненавижу ее и люблю. Это чувство двойное. Боги, зачем я люблю? И ненавижу зачем?» Более двух тысячелетий минуло с тех пор, а вопросы Катулла остаются без ответа.

Вот и героиня стихотворения Закусиной «Ты даже умоляешь, унижая...», вопрошая «за что же столько холода в любви к нам?...», так и не находит однозначного ответа. По причине все той же диалектической противоречивости любовного чувства, которую поэтесса демонстрирует в целом ряде стихотворений. В этом, например, катрене, в котором находит поэтическое выражение известный философский постулат о «единстве и борьбе противоположностей». Только уже с поправкой на сферу интимных отношений:

Предчувствие мое и радостно и тленно.
И тягостно душе, хотя шаги легки...
Пока не рядом мы — нас двое во вселенной.
А встретимся, пойдем: о, как мы далеки!

Также, на контрасте противоречивых (а то и взаимоисключающих, на первый взгляд), начал, которые в итоге связываются в единую цепь «истории любви», построено у Закусиной и одноименное стихотворение:

О, время непослушания
и горячего доверия.
О, время категоричности
и ласковой безоглядности.
О, время всеотрицания
и пылкого идолопоклонства...

А в стихотворении же **«Бывает, горько пьется и поется...»** диалектика любовного чувства, представленная как чередование светлых и темных сторон, воплотилась в красочном космогоническом образе:

А я рукою легкой разливаю
в стаканы запотевшую зарю...
И все смотрю, как угасает запад —
вечерней встречи участь такова...
А от стакана сладкой гари запах,
на дне уже трепещет синева.
Напиток жизни полнится отравой,
уж синевы в стакане не унять...

Соответственно художественной логике этого образа и вывод: «Никто не подарил такого права // лишь только радость светлую узнать». Как, впрочем, — и только темную. Любовь для лирической героини Закусиной скорее многополярное, а подчас и просто головоломно запутанное состояние. Как в стихотворении **«Любить в другом тебя...»** («любить в другом тебя, // в тебе любить другого — // не разойтись в любви, // с любовью разойдись»), где женщина, встречая новую любовь, не может отрешиться от прежней, решительно и бесповоротно ее отринуть. Она предлагает некий компромисс: «построить новый дом», куда, «чтобы стало в нем // уютней и теплее //, все старое внести // от рюмки до иглы».

Возможно, последнее и чересчур, но и поспешно отворачиваться от всего, с чем связан был еще совсем недавно, по пословице «с глаз долой — из сердца вон» тоже неже. О чем и напоминает читателю одноименный персонаж поэтической аллегии **«Откровенность»**:

Когда, казалось,
ты и я,
простились с прошлым,
когда казалось,
мы вот-вот
венки возложим,
освободимся навсегда
от прежней жизни...
она вдруг песню начала
на этой тризне!
И, вздрогнув, замолчали мы,
себе не веря.
Стояла Старая Любовь
в ночи, за дверью.

Память сердца долговечнее памяти разума. Часто она просто неистребима. Что, собственно, и подтверждает стихотворение **«Я постоянно помню о тебе...»**, где о возлюбленном лирической героине напоминает буквально всё. Как и в другом («**Давно забыты все обиды...**»), в котором образ бывшего возлюбленного проявляется у самым иной раз неожиданным порой образом:

То вдруг мелодия всплеснет,
а то твоим вдруг кто-то жестом
плечом пожмет, рукой взмахнет...
А то вдруг запах трав, полыни,
реки и дыма папирос.
Те запахи свежи поныне.
и даже трогают до слез.

Но не всегда эта память светла. В отношениях двоих «тот, незабываемый, кого я так горько любила», может оставаться яблоком раздора и за чертой его жизненного круга («**Как темная туча...**»). А иной раз минувшее напоминает о себе даже и неприятно. Как в стихотворении **«Был человек, был...»**. В прошлом его героини был человек, который «словами сорил», утверждая, что любит. В настоящем у нее есть тот, кто действительно любит ее, не словами, а делом это доказывая. Она «поумнела, забыла того». Только чудится ей, что «кто-то вслед... сыплет слова, как цветы после похорон» и невольно возникает вопрос, а жива ли она.

Кстати говоря, Нелли Закурина четко разделяет такие две, нередко, на поверхностный взгляд, кажущиеся близкими вещи, как любовное, ни к чему не обязывающее пустословие (токование) и любовную тоску:

Т о к у ю щ и й
не услышит
ни выстрела
и ни крика.
т о с к у ю щ и й
письма пишет,
где каждое слово — улика.
Где каждая запятая —
прощанья слеза золотая.
«Когда твое солнце садилось...»

11. «Я — женщина...»

Нелли Закуриной входила в литературу в разгар жарких дискуссий о феномене так называемой «женской» поэзии. При всех разногласиях критики сходились в главном, что водораздел между ней и «мужской» поэзией пролегает не по качественному уровню, а по своеобразию поэтического мироощущения, идущего от естественного женского начала.

Именно оно, это женское начало и властвует безраздельно в творчестве Нелли Закуриной с первых ее поэтических шагов. Однако, в отличие от некоторых эмансипированных коллег, которых, как красная тряпка, раздражало уже то, что их называли поэтессами (к ним, кстати, относилась и Елизавета Стюарт), Закурина никогда не комплексовала по этому поводу. Напротив — гордо подчеркивала истинно женскую сущность своей лирической героини:

Я — женщина. И мой полет всегда
так прост: от дальней ветки до гнезда.

Вдруг задержалась — встретила зарю.
Вдруг показалось — и сама горю!
Вдруг ветер подхватил и покачал.
Вдруг оказалось — за море умчал...
Я женщина. И мой полет так прост:
от тихого гнезда
до дальних звезд.

«Я — женщина...»

Естественно, что и всё пространство мира в большинстве поэтических произведений Закусиной пропущено через взгляд любящей женщины.

При доминировании женского начала поэтесса отнюдь не исключает в своей лирической героине и таких качеств, как, например, душевная сила и стойкость, помогающие сохранить себя и оставаться счастливым человеком:

Меня нельзя сломать — я не цветок пугливый.
И растоптать нельзя — я не весенний снег.
Мне очень больно,
Но
Я все-таки счастливый,
По сути по своей счастливый человек.

«Меня нельзя сломать...»

Нелегкое это, правда, счастье. Его то и дело приходится отстаивать: от безжалостных подчас обстоятельств, от больно ранящей несправедливости, которая, «как картечью бьет» («**Несправедливость**») и с годами ее удары все болезненней, от обид... Но, главное, от посягательств тех, кому поперек горла цветущий «сад любви», для кого чужое счастье хуже соли на рану, и они готовы задушить его в зародыше:

О, как все люди грезят о любви!
Но чуть проклюнется
зелёный росточек,
из жадности, из зависти растопчут,
переставая часто быть людьми.

В стихотворении «**Виноватая звезда**», Нелли Закурина вернется к этой мысли, сделает ее стержнем любовной драмы, разворачивающейся в контексте злых, ядовито жалящих обывательских пересудов:

Вину на сердце.
А любовь — куда?
Любовь всегда
перед всеми виновата.
За то, что возникает без набата.
За то, что исчезает без следа...

Ах, в чем же виноваты могут быть,
отважившиеся полюбить друг в друге
глаза и голос,
душу, губы, руки...
Куда б спокойней вовсе не любить!
Тогда б для всех
был каждый объясним...

Вину на сердце.

А любовь — куда?
То рано вдруг пришла,
а то вдруг слишком поздно...
Смотрите,
вон опять на небе звездном
возникла виноватая звезда!

Она, «виноватая звезда», и стала лирическим символом поэзии Закусиной, драматическим камертоном, а также ее своего рода опознавательным и фирменным знаком.

Образ «полночной звезды» вообще очень близок Нелли Закусиной и органично входит в художественную плоть многих, начиная с ранних, ее стихотворений. А одну из книг поэтесса и вовсе назвала «Звезды в колодце».

И действительно, «ясный свет неземной» («**Не свети, провожая...**») неотступно сопровождает лирическую героиню Закусиной. Возникает это небесное создание у поэтессы в разном обличье. То она «колючая», как в стихотворении «**Моя звезда**», то «грустная... // печаль моя, // советница и тайна», обращаясь к которой, лирическая героиня обещает: «Молиться на тебя не перестану» («**Звезда в неволе...**»). В стихотворении «**Болезнь прошла...**» звезда на нее «смотрит, как сиротка». А в дорожном этюде «**В который раз передо мной...**» — «глядит в окно // звезда задумчивая строго». В стихотворении «**Ты зачем позволяешь обиды...**» читателю предстает уже образ звезды холодной, недостижимой и «бездейственной» в своем голубом сиянии, свет которой, тем не менее, волнует, притягивает к себе и «каждый, глядя в надежде на небо, // ищет звездное счастье свое».

В общем, пристальным звездным свечением освещена значительная часть поэзии Нелли Закусиной.

Не сказать, что сам образ звезды для поэзии так уж нов. Скорей из категории «вечных». Но тут важно суметь распорядиться хорошо знакомым в своих художественных целях, найти новые грани и повороты. И Закусиной это в основном удастся. Во всяком случае, свет ее поэтической звезды меня как читателя (и не только меня, смею думать) не утомляет и не раздражает. А вот лучше понять и почувствовать поэтессу с ее героиней — помогает.

Как и еще один традиционный для мировой поэзии образ — огня. В древней мифологии он был связан, прежде всего, с теплом домашнего очага, являлся символом жизни. Очень популярен был образ огня в русской поэзии XIX столетия и «серебряного века». Он часто встречается у Е. Боратынского, Ф. Тютчева, А. Белого, А. Болка... Обращаются к нему и современные поэты. К примеру, большую роль огонь-символ играет в поэзии известного бурятского поэта Баира Дугарова. Образ всепожирающего огня любви очень близок новосибирской поэтессе Нине Греховой

Языки его пламени возникают и в стихах Нелли Закусиной, некоторые из которых этой огненной метафорой пронизаны буквально насквозь.

«Светлый круг костра — моя планета», — признается лирическая героиня в стихотворении «**Я петь люблю, когда кругом темно...**». И нет ей для песен лучше и ярче «пространства, // что огнем обведено». В то же время, костер в зимнем лесу, зажженный лыжниками, вызывает у нее противоречивые чувства — «нас костер, объединив теплом, как будто разлучил мгновенно» («**Ночной костер**») — и воспоминания. А еще заставляет «задуматься» «и встретиться снова с любовью своей», пройдя памятью «сквозь года». Лирической героине чудится, что огонь устами ее возлюбленного клянется ей: «— Как ты любима!» («**Огню поклоняться**»). А вот в стихотворении «**Ты будешь рад воскресному огню...**» огонь ночного костра, полный живого тепла и энергии, не разъединяет, а соединяет влюбленных, скрепляя их языками пламени. И совершенно не похож он на

огонь, о котором в другом стихотворении Закурина скажет: «Огонь без риска — на куске холста, // где каждый завиток и каждый лучик // шершавой неподвижностью наскучит // и горечью не опалит уста» (**«Останемся с огнем наедине?»**).

Впрочем, предупреждает поэтесса, любовный огонь способен не только согреть, но и сжигать. В стихотворении **«Верность»** образ огня трансформируется в метафорическое воплощение противоречивой памяти о минувшей любви и верности: нелегкой, горькой, но и благодатной одновременно, когда «от огня тепло. // От огня и зло. // Он и щедр, огонь, // и жесток». Несмотря на это, героиня надеется, что в пламени былого чувства возлюбленный навсегда сохранит ее облик, а со временем в том огне «снова вспыхнет свет // нашей верности», и воссоединит их.

Как видим, образ любовного огня стал у Закуриной действенным художественным средством, подчеркивающим диалектическую противоречивость любовного чувства и двуединость лирической героини Закуриной.

Но вернемся к звезде «виноватой». Поэтесса решительно опровергает обывательский вердикт ее виновности. Любовь неподсудна. Да и героиня ее, настаивает Закурина, цветок действительно «не пугливый». Хотя человек весьма непростой. Женщина она самодостаточная, с обостренным чувством собственного достоинства, а то и просто своенравная. Как покушение на ее самостоятельность воспринимает она, например, попытки возлюбленного относиться к ней, как к малому ребенку, которого надо холить и беречь. Напоминая, правда, при этом и впрямь капризного ребенка, полагающего, что давно уже вырос. (**«А ты меня любил...»**). Предупреждает, однако, поэтесса в стихотворении **«Элегия»** и о другой крайности. Чрезмерно «возвышая» и «усложняя» возлюбленную, обожествляя ее, можно, оторвавшись от реальности, не увидеть в ней земную женщину («только ты в простоту не поверил»), которая хочет быть не Прекрасной Дамой и не предметом обожания, а «опорой... и надеждой», действительно второй половиной любимого человека.

Ради сохранения себя и своей свободы она бывает готова даже на разрыв с любимым, который «все правильно понял, // понял все за двоих», о чем в стихотворении **«Напев»** прямо и заявляет: «И взгляну, как на счастье, // на разлуку с тобой».

Вместе с тем она — существо в себе неуверенное, сомневающееся, постоянно рефлексирующее. Иной раз ей кажется (**«Если это письмо не придет...»**), что она не переживет и дня, не получив, наконец, долгожданной весточки от любимого (тут явная переключка с ахмадулинским «Не отрекаются, любя...»), а то и вовсе хочет умереть, потому что «в жизни без тебя сияет пустота» (**«Еще мы до конца...»**). Да и вообще лирическая героиня Закуриной вся соткана из противоречий, отчего ей и «самой так не понять меня!», что «где ж меня понять еще кому-то?»

Возможно, оттого столь драматичны и сложны в поэзии Нелли Закуриной любовные отношения, а с другой стороны, так силён в ней традиционный для мировой поэзии мотив ухода, расставания, что очень они созвучны мятущемуся характеру лирической героини, ее беспокойной душе, чутко реагирующей на малейшие колебания окружающего мира.

Вариациями на тему «любовь и разлука» становятся многие стихи Закуриной. Причем поэтессе интересуют чаще не сам свершившийся тот или иной факт расставания, а его причинно-следственная связь и мотивация, которые могут быть самыми разными.

Несоответствие внешности внутреннему содержанию, например. Как в стихотворении **«Свежий хлеб и черствая душа...»**. Мужчина мажет хлеб толстым слоем масла. Он приятен на вид, «красиво говорит», он «быт умеет украшать», но, «как масла на хлебе», «слишком много вздохов и забот», а главное под внешней его респектабельностью кроется «черствая душа».

Или же пугающие героиню стихотворения **«Мой любимый картину писал на картоне...»** искусственные «картонные» страсти и чувства («нарисованы — верность, любовь и печаль»), не оплодотворенные животворящим теплом настоящей жизни.

Драма расставания может стать «расплатой за неосторожность, // расплатой за пренебрежение // к чужим обидам», а потому так важно чувствовать предел, «где больно делаешь другим» («Утро»). И героиня Закусиной предел этот хорошо ощущает. Причиненная кому-то боль надолго остается в ее душе: «Уже и обиженный счастлив, а я все уснуть не могу» — признается она («**Проходят любые печали...**»).

Но и к обидам надо относиться осторожно, говорит поэтесса. Во всяком случае, не делать из обиды «обитель» для сокрытия собственной души от людской несправедливости. Потому что в этой обители «прощение гибнет, // рождается месть». И тогда «чернеет обитель», а душа мельчает и превращается в душонку, пьяную «от собственной сладостной боли», а посему «о, как это страшно — прощать не уметь». («**Обида**»). И иллюстрирует, насколько «это страшно», в стихотворении «**Я будто в степи...**». Знакомую ситуацию здесь автор рассматривает как бы «от противного». «Разлуку с тобою — перенесу, но встречу с тобою — едва ли», — в запальчивости утверждает лирическая героиня. А позже узнает, что возлюбленный, в отличие от нее, разлуки с ней не перенес и встает перед запоздало горьким вопросом: «И что мы кому доказали?»

Взаимные обиды и непонимание («свои обиды — твои обиды»), как чужие незванные люди, могут привести «к горю» и невозвратимым потерям. И дабы этого не допустить, очень важно, чтобы вернулись «свои, родные», то есть понимание, любовь, душевное соучастие («**Чужие в доме...**»).

Еще одна и, пожалуй, самая весомая причина любовного разлада четко обозначена в стихотворении «**Перекресток**»: «В червоточинах зла был наш мир // неуёмным, // бездомным». Прочного же, пронизанного светом любви дома, теплого очага любящие друг друга люди создать так и не смогли, не сумели.

Да это и не так непросто. Впрочем, смотря как подходить. Ведь «можно строить на века, а можно на “пока”» — говорит поэтесса в этюде «**Как самому построить дом**». Можно купить брошюру с аналогичным названием и... «Задача, в общем, не сложна: ты муж, а я — жена». Но жизнь, опровергая эту кажущуюся простоту, распоряжается по-своему — развод, новые семьи: «Построил ты... Потом и я... // У каждого своя семья». Мораль очевидна: никакая брошюра-инструкция, никакой «самоучитель» не скажет, как построить семейный дом «на века».

Хотя подчас для семейного уюта достаточно какого-нибудь сущего пустяка — например, бликов света городских фонарей, заглядывающих в распахнутые окна дома, от которых «минуты счастья были так остры // и так тихи» («**А летом, правда, был уютный дом...**»).

В том, что в будни семейной жизни можно вдохнуть поэзию — было бы желание, убеждает читателя очень теплая лиричная зарисовка «**Электричка отсверкала...**». А в стихотворении «**Праздник**», как бы продолжающим предыдущее, его герои, семейная пара, обитающая в старом доме, от будничной тоски уходят в романтическую сказку, придумывая себе «праздник — день растопленной печи». А Нелли Закулина очередной раз успешно демонстрирует здесь, что умеет видеть поэзию в самом обыденном и, на первый взгляд, совершенно банальном. Увидеть и передать читателю. Без натужных изысков и красотостей, в зримых, понятных деталях и образах:

Мы заклеили окна газетной бумагой.
Белой известью стены и печь побелили.
И оранжевой спичкой,
как маленьким флагом,
обогрели дрова
и огонь запалили.
Гулко тикал будильник —
пульс уснувшего дома...

Лирическая героиня Закусиной — натура с чрезвычайно развитой интуицией. Еще вроде бы все, как прежде, и плечо любимого рядом, а она уже нутром чувствует, как истаивает их любовь: «А я смотрю, смотрю, // И все прощаюсь. // Еще неделя, // день, // минута, // миг...». («**Я чувствую...**»). Ее душа настолько тончайше чувствительна, что даже ощущает «необъяснимой тревоги // короткого звука начало». Не ведая, откуда эта тревога исходит, чего касается, она, тем не менее, интуитивно ощущает, что где-то, у кого-то «какое-то горе случилось» («**Что-то в душе...**»).

Расставание с любимым для лирической героини Закусиной всегда нелегкое испытание, и тьма надвигающегося одиночества «все гуще, все страшней» («**Предчувствие**»). Но, уходя, она надеется, что не исчезнет бесследно, что ее запомнят зеркала в квартире бывшего возлюбленного. Хотя и боится, как бы пришедшая на смену женщина не стерла б с них вместе с пылью ее сохранившееся отображенье. А потому и просит мужчину: «Прикрой, как в траур, зеркала». («**Меня запомнят зеркала**»).

Ну, а уходит лирическая героиня при всей рефлексивности своего характера сдержанно и достойно, мосты за собой сжигает тихо, без истерик, без показного фейерверка финального скандала: «Зажгу последнюю оставшуюся спичку // и оброню на мост. // Как бы случайно». («**Я удержусь, собравши в горстку силы...**»).

12. Будни «Сибирских огней»

...Итак, в 1977 году Нелли Михайловна Закукина (по паспорту и фамилии второго мужа — Загородная) по рекомендации поэта и сотрудника редакции Александра Романова становится редактором отдела прозы журнала «Сибирские огни». С этой должности начинало тогда большинство редакционных новичков.

Влиться в трудовой коллектив ей не составило труда. Во-первых, достаточно серьезный опыт редакторской работы (сначала в «Байкале», затем в издательстве) у нее уже был. Во-вторых, как я уже говорил, попала в журнал не «темной лошадкой» «с улицы», а как бы перешла из одного «цеха» в другой того же предприятия. Да и большинство работников редакции она уже хорошо знала. В том числе и служивших здесь собратьев-поэтов: заведующего отделом поэзии Александра Романова, ответственного секретаря Александра Плитченко, и заместителя главного редактора Геннадия Карпунина.

Редакция «Сибирских огней» в семидесятые и до начала девяностых годов занимала около десятка комнат на четвертом этаже пятиэтажной пристройки к монументальному зданию бывшего совнархоза на Красном проспекте между двумя совершенно далекими от литературного процесса организациями. Одна занималась какой-то контролирующей деятельностью, другая относилась к пищевой отрасли: то ли «птицепромом» была», то ли «свинпромом». И когда ее посетители шли транзитом через территорию редакции, они изумленно тарасились на совершенно экзотичные для них таблички на дверях кабинетов: «Отдел прозы», «Отдел поэзии», «Отдел очерка» и даже — о, боже! — «Отдел критики». Но это было, пожалуй, единственное неудобство, связанное с расположением редакции, и оно никак не влияло на царившую в ней благожелательную, если не сказать душевную, и почти семейную атмосферу.

Неотъемлемой частью производственно-творческого процесса в редакции «Сибирских огней» было чаепитие. Попеременно собирались в кабинетах то Карпунина, то Романова, то в отделе прозы. Кофеварка не выключалась. Чаепитие совмещалось с перекурами, и тогда в кабинетах можно было вешать топор. За бесконечными разговорами обсуждались далеко не только и даже не столько журнальные проблемы. На них-то, как раз, меньше всего времени уходило. Работа в редакции достаточно хорошо была отлажена, сроки и графики выполнялись, сотрудники редакции при некоторой, на первый взгляд, царившей здесь вольнице, трудились ритмично и добросовестно. Разговоры же шли обо всем, что чем-то зацепило, привлекло внимание. Но чаще, конечно, о том, что

ближе и роднее всего — о поэзии, литературе, культуре, в целом. Впрочем, на этих же посиделках высказывалось и проговаривалось и немало из того, что потом получало творческое воплощение, обростало литературным «мясом».

Пили за массивными, еще довоенных времен канцелярскими столами с просторными, как аэродромы, столешницами, обтянутыми зеленым сукном, не только чай. Как правило, в тех же кабинетах устраивались и нередкие (по «красным» датам календаря и другим событиям) общередакционные застолья. Со столов убирались горы рукописей, сукно застилалось старыми газетами. Появлялись бутылки, нехитрая закуска в виде плавленых сырков, рыбных консервов типа «Минтая в масле» или «Кильки в томате», принесенной кем-то из сотрудников домашней солонины. Современные деликатесы, которыми ныне набит любой продуктовый «маркет», тогда можно было видеть только в фильмах про «загнивающий» Запад. Но это не мешало быть застольям теплыми и душевными. Здесь рождались искрометные экспромты, остроумные афоризмы, веселые, но незлобивые шутки. Нелли Закурина записывала лучшие в толстый еженедельник, который коллеги по цвету его переплета окрестили «Зеленой книгой». А завершались застолья обычно песнями. И тогда вниманием безраздельно завладевала Закурина. Пела она прекрасно! Слух у нее был абсолютный! Иногда ей помогал редактор отдела прозы Петр Муравьев. «Очаровательные глазки...» — выводил их дуэт, и глаза затуманивались слезой...

Сегодня, связывая в единую цепь и те застолья с песенными финалами, и воспоминания о маленькой девочке Нелли, которая постоянно что-то пела, а потом, когда подросла, ходила через закаменский овраг в музыкальную школу, и признание Закуриной о том, что «когда стихи пишу, практически все их пропеваю», уже совсем не удивляешься мелодичности и напевности большинства ее стихов, многие из которых просто просятся на музыку. Были, были на то, заложенные в нее природой, веские основания.

Красивым трогательным романсом, в котором слышны грусть и печаль об ушедшем лете, воспринимается стихотворение «**Кончилось лето**». Как и нежно-лирический текст «**Встречи**» — о замечательной поре первых свиданий, когда отношения еще первозданно чисты, ничем не замутнены («ни перед кем и никто еще не виноват» и «никто никого еще не предавал») и полны волнующего весеннего аромата. Явным песенным началом пронизан осенний этюд «**Сентябрь**». Как и несколько более позднее стихотворение «**Горлинка**», где «гордая горлинка» становится этакой птицей-связной между радостью первой любви и «прекрасными слезами последней»...

И список этот можно множить и множить.

Поэзия, обладающая столь значительным музыкальным потенциалом, не могла пройти мимо внимания профессиональных композиторов и музыкантов. Поэтому не удивительно, что к творчеству Нелли Закуриной они обращались с большой охотой. На ее слова писали песни Никита Богословский (одна из них на слова стихотворения «Слово» была впервые исполнена Марией Пархоменко в популярной радиопередаче «Доброе утро»), Светлана Смоленцева, Александр Тарараев... А Петр Ладыженский, кроме двух десятков песен на стихи Нелли Михайловны, создал еще и монооперу по ее поэме «Липа вековая».

Литературным редактором Закурина проработала недолго. К началу 1979 года, когда на эту должность в «Сибирские огни» принимали меня, Нелли Михайловна стала уже заведующим отделом прозы. Под ее руководством и в одной с ней связке я проработал более десятка лет.

Благодаря усилиям двух выдающихся в истории журнала главных редакторов — сначала Александра Ивановича Смердова, а потом и пришедшего ему на смену Анатолия Васильевича Никулькова, «Сибирские огни» к восьмидесятым годам достигли пика своего развития, сделавшись самым тиражным (125 тысяч экземпляров) и едва ли не самым

интересным «толстым» литературным журналом российской провинции. Трудиться в таком издании было престижно, почетно и работалось с удовольствием. Хотя, с другой стороны, служба медом вовсе не касалась.

Тем более на посту заведующего краеугольного журнального отдела, занимающего большую часть печатной площади и притягивающего львиную долю авторов и читателей. Именно его произведения определяли в первую очередь художественный уровень всего журнала. Отбор шел жесткий. Здесь важно было все: и вкус, и чутье, и знание литературы, и умение соблюсти баланс сил (чтобы и талантливые литературные барашки-овечки оставались целы, и матерые писательские волки были сыты). А это бывало, по собственному опыту знаю, ой, как нелегко!

Трудности начинались уже на стадии работы с авторским текстом. Требовалось и нормы литературные соблюсти, и автору не навредить — то есть сохранить его стиль, образность индивидуальные особенности и т. п. А вот с авторами-то у редакторов как раз и возникали проблемы. Как с молодыми, так и мастодонтами.

С маститыми писателями бывало даже гораздо сложнее. За каждое рожденное ими слово они стояли насмерть. И хорошо, если лыко у них было в строку и слова лишнего, как из песни, не выкинуть. Такие мастера вызывали только бесконечное уважение. Но нередко даже и у «больших» тексты попадались сырые, требующие серьезно доводки. Однако мало кто из них это хотел признавать. Потому и любые редакторские замечания принимались в штыки, чуть ли не как личные оскорбления, а сам редактор почитался за врага.

Но Закусиной, как правило, без особого труда удавалось приходиться с ними к обоюдному согласию. Полагаю, что без чисто женского обаяния Нелли Михайловны, пребывавшей тогда в самой поре расцвета, здесь тоже не обошлось.

Случалось, вмешивалась в редакционный процесс творческая междоусобица. В начале 1979 года в редакцию «Сибирских огней» поступила рукопись сатирической повести известного советского композитора Никиты Богословского «Интересное кино». Среди ее героев без труда угадывались многие деятели столичного бомонда, выставленные автором в неприглядном свете. Рукопись еще гуляла по редакциям московских журналов, а уже вызвала переполох. В результате, в столице опубликовать наотрез отказались, и Богословский на авось отправил ее в «Сибирские огни». Закусиной повесть понравилась, и она стала добиваться ее публикации. Но противники Богословского тоже не дремали и, прознав о планах публикации его повести в «Огнях», буквально атаковали гневными письмами и звонками и Закусину, и Никулькова и даже Новосибирский обком партии с требованием не допустить этого. Поддерживаемая главным редактором, Закурина натиск выдержала. В октябре 1980 года повесть «Интересное кино» появилась на свет. И имела успех.

Большое внимание «Сибирские огни» традиционно уделяли молодым. «Селекционная» работа велась в процессе повседневной редакционной работы. Но стенами редакции не ограничивалась. Сотрудников «Сибирских огней» можно было увидеть на различных семинарах, совещаниях, съездах молодых литераторов, внимательно присматривавшимся к своим потенциальным авторам. Не оставалась в стороне и Нелли Михайловна. В качестве одного из руководителей и представителя журнала «Сибирские огни» она активно участвовала в работе региональных форумов молодых писателей, ежегодно проходивших в Омске, Томске, Кемерово, Тюмени, Барнауле, Иркутске, Красноярске, Улан-Удэ...

Выше крыши было и рутинной редакционной работы. Приходилось перелопачивать горы рукописей, которые присылались со всех уголков СССР, вести переписку с авторами, редактировать самой и держать на контроле подготовленные для публикации другими редакторами отдела произведения, вычитывать верстки. А еще — редакционные летучки, партийные (должность зав. отдела негласно обязывала быть членом КПСС) и писательские собрания, редколлегии, наконец.

Как поэтесса Закусина старалась не терять прямой непосредственной связи со своими читателями и часто выступала перед ними в различных аудиториях: школах, училищах, вузах, библиотеках, трудовых коллективах предприятий... И не одного только Новосибирска. Ее часто приглашали на Дни литературы и литературные праздники («Омская зима» и др.), проходившие в разных городах Сибири.

А ведь была у Нелли Михайловны еще и семейная, личная жизнь, подрастали дочери. Здесь, конечно, без мамы и бабушки, без Анны Николаевны, в общем, не обходилось — без нее Нелли Михайловна, наверное, и половины не успевала бы сделать, за что всю жизнь была ей благодарна. Но и сама «не плошала». Правда, уже не была «светла и беззаботна», как не так уж и давно.

В стихотворении «**Моя душа**», почти автобиографическом, Закусина пишет: «А я живу то весело, то трудно, // спешу с работы, из дому спешу... // Воспитываю дочек — садик школа...». А в другом («**Моя пронзительная жизнь...**») как бы конкретизирует картину своего тогдашнего неоднозначного существования:

Моя пронзительная жизнь
спокойна внешне и беспечна.
Переживаниям сердечным
в ней места не отведено.

Как современное кино —
хороший муж, квартира, дача,
и если плачу, так ведь плачут
нередко женщины вообще...

...И вот на праздник с корабля.

Чужих романов страстный ропот...
Редакторский нехитрый опыт
дает мне право изменять
героев судьбы. Объяснять
ошибки.
И давать советы,
и забывать,
что бьется где-то
моя пронзительная жизнь.

Казалось бы, в круговерти этой до предела насыщенной «пронзительной жизни» вместе с переживаниями сердечными не оставалось места собственному творчеству. Днем — да. Но за днем следовала ночь. А она, вспомним, для Закусиной и была лучшим временем творения. Да и предельно насыщенная творческим электричеством атмосфера «Сибирских огней» волей-неволей заставляла постоянно поддерживать творческую форму на высоком уровне. Надо учесть и еще одно немаловажное обстоятельство. В составе редакции в ту пору работало сразу четыре поэта. И все они, были, по выражению Плитченко, «многостаночниками», то есть, продолжая давнюю традицию «Сибирских огней», принимали активное авторское участие в работе всех отделов журнала. Естественно, что и Нелли Закусина не могла остаться в стороне и также пробовала себя в разных ипостасях: писала отзывы и рецензии на книжные новинки, литературные портреты, делала п е р е в о д ы...

Об этой сфере ее литературной деятельности следует сказать особо.

13. Переводчица

Переводить с языков других народов Закусина пробовала задолго до своего появления в «Сибирских огнях». Еще в школе, в Чанах, пыталась переводить некоторых немецких поэтов-классиков, а также стихи ссыльных немцев, живших в их райцентре и писавших на родном языке.

Правда, всерьез за переводы взялась уже в Бурятии. Перевела, в частности, поэму Дондока Улзытуева «Сэсэг», которую позже переименовала в «**Бурятскую элегию**». Хотя точнее, наверное, было бы обозначить эту красивую, лирически взволнованную, пронизанную непроходящей безмерной болью и неизбывной любовью вещь как поэтическую эпитафию безвременно ушедшей из жизни юной бурятской красавице «с оленьими глазами». Почти одновременно в «Литературной России» появилось переложение этой же поэмы Станислава Куняева. Перевод Закусиной был признан лучшим — в том числе и самим ее автором — Дондоком Улзытуевым.

Однако наиболее полно переводческий талант Нелли Закусиной раскрылся, опять-таки, в годы работы в «Сибирских огнях». Что закономерно связано еще с одной давней традицией журнала, зародившейся едва ли не в самом начале его существования.

Дело в том, что русские писатели во все времена охотно обращались к творчеству и культуре малых народностей Сибири, а журнал «Сибирские огни» публикацию переводов произведений национальных авторов всегда считал своим долгом. Здесь сложилась сильная переводческая школа, а поэты журнала А. Плитченко, А. Романов, Г. Карпунин стали достойными ее представителями и продолжателями, благодаря которым многие национальные авторы обрели в семидесятых-восемидесятых годах в «Сибирских огнях» постоянную прописку.

Очутившись в такой славной компании поэтов-переводчиков и имея явные склонности и наклонности к этому виду литературной деятельности, Нелли Закусина не могла остаться от нее в стороне.

Тягаться, с более опытными коллегами ей, конечно, было трудно. Да и «играли» ребята по-крупному, разрабатывая кто алтайскую, кто якутскую, кто хакасскую национальную эпическую жилу. Закусина за огромные в несколько тысяч строк героические эпосы браться и не пыталась. Зато безошибочно почуяла свою, лирическую, нишу. И оказалась здесь, как говорится, «в своей тарелке».

Переводила Закусина мастеров слова разных стран и народов. Ее усилиями сибирский читатель познакомился с целым рядом интересных венгерских, сербских, болгарских поэтов (Имре Пентиком, Шимоном Шерфезе, Десанкой Максимович, например). Да и собственные ее стихи появляются в Болгарии, Югославии, Польше.

Но все-таки больше всего преуспела Закусина в переводах произведений национальных сибирских авторов (бурятов, якутов, ненцев, хакасов, тувинцев). Не в последнюю очередь и по той важной причине, что культуры малых народов Сибири для поэтессы не были чем-то туманным, экзотическим, а долгое время являлись частью естественной среды ее обитания (вспомним, что только в Бурятии прожила она несколько лет и побывала во многих других уголках Сибири).

Обращалась Закусина к произведениям не только поэтическим. Так, ее перу принадлежит перевод романа бурятского прозаика Барадия Мунгонова «**Баян-Зурхэн**» («**Щедрое сердце**»). Роман в 1983 году напечатали «Сибирские огни», несколько позже он вышел в Бурятском книжном издательстве отдельной книгой и был удостоен Государственной премии Бурятии в области литературы и искусства.

Художественный перевод — искусство очень сложное и тонкое. Его главная задача — сохранив языковые, поэтическое и национальные особенности оригинала, сделать его достоянием той языковой культуры, на которую произведение переводится. И то, что с этой задачей Нелли Закусина, безусловно, справляется, ее переводы как раз и свидетельствуют.

Взять, скажем, стихотворение ненецкого поэта Леонида Лапцуя «**Бубен**» в переводе Закусиной. В русском переложении поэтессе удалось передать во всей языческой силе и величии древний обрядовый шаманский танец-песню, «красивый и вечный», рассказывающий «о жизни Ямала». Бубен в руках шамана, «бьется как сердце живое», и «плывет, как река», песни «древний и ясный мотив». Отшлифованная, «как галька — веками» песня эта завораживает автора стиха, и эта замороженность, стараниями переводчика, передается нам, читателям совсем другого языка и культуры.

Или вот стихотворение еще одного ненецкого поэта Ивана Юганпелика «**Девушка Сихирити**». Мысль здесь, в общем-то, простая и далеко не новая, восходящая к известной поэтической формулировке — «песня остается с человеком». Не знаю, как мысль эта звучала на языке оригинала, но в переводе Закусиной получилась короткая, трагическая, но все же оптимистичная притча о том, что песня, наполненная правдой жизни, не умирает и уносит память о ее создателях в толщу времен. Переводчику удается и здесь тонко передать национальный колорит и интонацию.

И поистине замечательным образчиком переводческого искусства Нелли Закусиной может служить ее перевод сонетов якутского поэта Ивана Гоголева «**Якутские сонеты. Песнь о матери**». Образ самого дорогого и близкого на земле человека вылеплен в сонетах выпукло, зримо, осязаемо. Он живой, теплый, запоминающийся, пронизан великой любовью. Силу материнской любви автор сравнивает с мифической «богатырь-травой». Образ матери у Ивана Гоголева настолько же конкретный, земной, насколько и символический, являющий собой начало всех начал. Эту вдохновенную поэтическую песнь о матери, сложенную якутским лириком на родном языке и сочно приправленную национальным духом и колоритом, Закусиной удалось прекрасно донести до русского читателя. Поэтому и цикл из полусотни сонетов читается на одном дыхании.

Активная переводческая деятельность продолжалась у Закусиной до начала 1990-х годов. И получала она от нее, по собственному признанию поэтессы, «огромное удовольствие». А в девяностые «Сибирские огни» вместе со всей страной залихорадило, стали распадаться культурные и литературные связи с народами Сибири. И переводческая деятельность в том виде, в каком она существовала в период своего расцвета, приказала долго жить...

14. Природа как часть поэтического мироздания

Ну, а как же главный творческий «станок» Нелли Закусиной — поэтический? Он тоже не простаивал. Доказательством тому служат многочисленные тогдашние публикации поэтессы в российской прессе и литературной периодике, во многих коллективных сборниках и, конечно же, поэтические книги Закусиной восьмидесятых годов «**Белый снег, зеленая трава**» (1984), «**Избранное**». Серия «Библиотека сибирской поэзии». (1987), «**Зимние письма**». (1990).

К началу восьмидесятых годов поэтическое формирование и становление Нелли Закусиной как лирика с собственным голосом и «физиономией» в целом завершилось. Дальше шло уже профессиональное совершенствование и оттачивание художественного мастерства, освоение более глубоких поэтических горизонтов и раскрытие новых граней дарования. Что касается лирических тем и мотивов, то они оставались традиционными. При этом поэтессе удавалось избегать как повторения пройденного другими поэтами, так и самоповторения (хотя случались и такие отдельные моменты). Она находила свой угол зрения, повороты, нюансы, детали, краски, образы, а потому и, оставаясь внутри традиционного круга, продолжала поэтическое восхождение. По спирали. Тем более что и главным источником ее вдохновения — бездонным и бесконечным — также традиционно оставалась жизнь вокруг.

А она в 1977 году преподнесла Нелли Закусиной, еще только начавшей работать в «Сибирских огнях», оригинальный подарок в виде короткого, но стремительного, как блиц-криг, путешествия на приполярный Север, которое организовал один из ее друзей-журналистов, собкор газеты «Красная Звезда». До Таймыра и обратно — на военном самолете, потом — над полярной тундрой на краю Ледовитого океана — на вертолете. Рожденные этим путешествием ощущения и эмоции Нелли Закулина выплеснет в стихотворном цикле, который объединит заголовком **«Северные цветы»**.

Так называется один из стихов того цикла — прекрасный поэтический пейзаж в буйстве красок короткого северного лета с многозначительным подтекстом. Поэтесса восторгается красотой распустившихся в тундре цветов. Но не меньше восхищает ее их неуемная жажда жизни. Хоть и «мало им отпущено», и скоротечен век, но жизнь северным цветам «огромной кажется», и они стремятся впитать ее как можно полнее.

Живописная чувственная картина весенней тундры предстает и в стихотворении **«Просьпается тундра, теплеет...»**. Только олицетворением ее здесь становится олениха, которая «взволнованно» «воздух нюхает... тихо... тихо...».

В стихотворении же **«Полярный день»** северный пейзаж — скорее фон, обрамление очередной любовной драмы. В разгар полярного дня, когда все вокруг «болезненно светло», наблюдает поэтесса картину, в центре которой «сидят, обнявшись, женщина с мужчиной» «и сердцу женскому не скрыть любовь и муку».

«Северный ветер — летящий, холодный и горький», таймырская пурга, в которой «за полметра не видно предмета», становится для лирической героини стихотворения **«Пурга»** источником той безмерной тоски по любимому, что «плотно хватает за горло».

Токами любовной драмы пронизана у Закусиной и картина предзимней Оби (**«По осенней Оби...»**), над которой «трубно ветры подули — // словно плач о любви», а «попынья у стремнины» «жуткой болью полна, // как любви половина».

А вот зарисовка **«Север»** — это уже скорее поэтический репортаж с борта вертолета, под которым расстилается бескрайняя, вызывающая у поэтессы восхищение тундра.

В северных своих зарисовках Нелли Закулина сумела живописно и вместе с тем лаконично, почти документально порой и емко передать величественные просторы крайнего Севера.

Вообще же в поэтическом мироздании Закусиной природа занимает значительное и важное место. Без нее человек — неполный. Как и она без него. Потому практически и нет у Закусиной чисто созерцательных картин природы. По убеждению поэтессы, все в них «наполнено смыслом особым...». Однако есть у них и особая художественно-функциональная роль. Картины природы у Закусиной выполняют главным образом роль лирического контекста или же своего рода аранжировщика мелодии любви, которая в качестве основной темы то громче, то тише, в разных вариациях настойчиво звучит в ее поэтических произведениях, объединяя их в духовное целое.

Картины природы, времен года помогают поэтессе лучше раскрыть или подчеркнуть душевное состояние лирических персонажей, как лакмусовая бумажка, проявляют их настроения, чувства.

Пронизан грустью об ушедшем лете этюд **«Мне осталась осень вместо лета...»**. Но в ожидании будущего весеннего возрождения печаль светла и оптимистична.

Надежду на будущее обещает и «прозрачная ветка рябины», которую осень дарит лирической героине (**«Автопортрет с рябиной»**), оставляя «неверное имя» бывшего возлюбленного в минувших весне и лете.

В картину декабрьского леса, обманутого неожиданной оттепелью, прекрасно вписывается состояние влюбленной парочки, «сюда забредших» и «забредивших друг другом, как в жару» (**«Заельцовский бор»**).

А запах яблок в январе среди «северной вьюги» как напоминание о лете согревает душу и дает «тайную радость», надежду и силы перенести суровую зиму (**«Запахло яблоками вдруг...»**).

Впрочем, зима несет с собой не только стужу, но и свою мудрость, которой не грех воспользоваться человеку: «Закон зимы таков: // и в грусти — быть нарядной». Что вполне согласуется с принципом самой лирической героини: не опускать головы, нести себя достойно, что бы ни случилось. Тем более что «судьба не обошла» ее, «не оскорбила». Напротив — «я счастлива была, ведь я тебя любила» («**Я слышу пробил час...**»).

К первому весеннему месяцу марту отношение двоякое. Возможно, в силу возрастных изменений, происходящих в лирической героине. В одном из ранних стихотворений «**Вот снова март**» этот месяц приносит ей запахи воспоминаний из далекого прошлого. Там нет ничего плохого. Там только хорошее. Очень такой жизнерадостный стих. Зато в более позднем («**В Сибири — март**») — это «обманный месяц». И потому, что днем все тает, бегут ручьи, а ночью — снова морозы. Но еще больше «обманный» оттого, что «лицо чужое заменил твоим», что «смеешься ты // чужим лицом, губами».

Одни и те же явления природы тоже могут восприниматься лирической героиней неоднозначно. Если легкий дождичек в светлом акварельном, с ностальгической грустинкой весеннем этюде «**Апрельский дождь**» действует «как капли валерьяны», успокаивая и умиротворяя, то ночной дождь, в струях которого танцует счастливая от любви девушка («**Под луной июньский дождь**») вызывает в ней чуть ли не языческий экстаз. А рефрен-заклинание «ах, как я тебя любила!» его только усиливает.

Но не всегда природа с ее извечным круговоротом — просто лирический контекст. Смену времен года Закусина может небезуспешно использовать и как художественный прием, неожиданный поэтический поворот, за которым возникает аллегорическая фигура. Как в стихотворении «**Еще когда по золотым полям...**». Уходит лето, «безмятежный август», а с ним и «светлый праздник» любви. За створами же осенних ворот лирическую героиню встречает «взгляд чужой седой старухи», которая сообщает ей: «— Твоя любовь здесь больше не живет».

Времена года представлены в поэзии Нелли Закусиной достаточно широко. Но ближе всего ей осень. «У осени, при любой погоде, особое предназначение — сбор урожая, подведение итогов... Но я воспринимаю осень как начало года, может быть потому, что я родилась 1 сентября. С детства остался привкус этого дня, полного цветов, встреч с друзьями, хорошего настроения...»⁶ — признается поэтесса. А потому и испытывает она к сентябрю самое трепетное чувство. И благодарит в лирическом этюде «**Сентябрь**» «за ласку, совет и любовь».

Закусина и первую свою поэму, опубликованную в «Сибирских огнях» в 1975 году, а потом вошедшую в одноименный сборник, назвала «**У сентября спокойное лицо**», как бы подчеркивая особое к нему отношение.

У поэмы подзаголовок «Лирический календарь». В форме поэтического календаря она и написана. Только в поле зрения автора не весь годовой цикл, а лишь его половина. Почему взяты именно эти, а не другие месяцы? Потому, наверное, что они ближе мироощущению поэтессы. А характеризует она их следующим образом.

Январь — это месяц «кристально чистых дней», в котором «на белом свете — только белый цвет — // полутонов пока на свете нет». В *марте* «властвует заносчиво и сыто // вода шальная, полая вода!» В *апреле* «Большая Зима» переходит в «Большую Весну», которая становится предчувствием Любви, что в будущем постучится в сердце. Потом, в *июле*, «Большая Весна» переходит в «Большое Лето». Лето венчает *август* — месяц «неприступно богатый», месяц созревания плодов и свершений:

И живешь, как хотелось давно.

⁶ «Вечерний Новоисбирск», 1 сентября 2007 г.

Будто дерево в спелых хлебах.
Неожиданно, честно, умно,
С мятным привкусом на губах.

И вот, наконец, сентябрь. Месяц прихода «Большой Осени». Месяц умиротворения, наступающей житейской мудрости, обретения себя как состоявшейся личности. И — точка жизненного отсчета:

Я не могу сегодня ошибаться.
У сентября — спокойное лицо.
Я, как домой вернувшаяся птица,
вошла по праву на твое крыльцо.
Настало время,
и без колебаний,
я начинаю год от сентября...

Поэма далека от совершенства. Ей пока не хватает цельности, поэтической органичности. Чувствуется, что поэтесса еще только на пути освоения нового для нее жанра.

Много позже, уже совсем на ином уровне поэтического мастерства, напишет Нелли Закузина стихотворение «**Мой календарь**». Используя ту же, что и в поэме «У сентября спокойное лицо» форму фенологическо-поэтического обозрения, она сумеет совершенно по-иному передать восприятие годового круговорота. При этом поэтессе хватило менее десятка стрóf, чтобы создать зримую, емкую, художественно выразительную и органически цельную картину. Не в последнюю очередь потому, что был удачно найден стержневой образ — «береза... среди поля», меняющая свой облик и состояние соответственно очередному календарному месяцу.

По мере поэтического созревания взгляд на природу у Нелли Закузиной корректируется, восприятие и отношение к ней становятся углубленнее, философичнее. Поэтесса ощущает все более органичную с нею целостность. Ее лирической героине достаточно бывает просто прижаться к дереву и услышать, «как в стволе бегут земные соки» и как «в твой миг войдут века, // и миг в веках продлится» («**Прикосновение**»). Дерево выступает уже как бы полпредом природы, проводником ее животворящей энергии. С другой стороны, «деревья на земле», по мысли поэтессы, еще и «безгласные пророки»:

В них будущие — мы
и тайный смысл былого.
В них судьбы и умы,
исток живого слова.

«Безгласные пророки» они и в поэтической притче «**Два дерева**». Когда-то влюбленные «как память, как спасенье» о своей любви посадили два дерева. Со временем расстались, «друг друга потеряли». Но однажды женщина решила посмотреть, что же стало с теми деревьями. И увидела:

Вот ясный белый цвет...
В душе растаял холод, —
тебя на свете нет,
но в дереве — ты молод.
Своё — в цветущем,
но цвет
уже на ветках тает.
Твоё — в снегу, но нет,

тот снег не облетает.

Перекликается с «Прикосновением» и «**Весенний эскиз**». Здесь та же, собственно, поэтично-философская мысль: «Земля, рождая дерево, бессмертна», поэтому и «загадка, растворенная в весне» становится понятной лирической героине, стоит лишь руку протянуть: «Я в дереве, и дерево — во мне. // Так жизнь одна перетекла в другую».

15. Трудная диалектика любви

В стихах восьмидесятых годов Нелли Закусина продолжает размышлять о противоречивости человеческих чувств и отношений. Для таких раздумий ей не надо и особого повода. Их источником могут стать, например, туристские достопримечательности и впечатления. В стихотворении «**Монолог у скалы Разочарованной Любви**» романтическая легенда о девушке, бросившейся с крутой скалы на берегу Енисея, наводит автора на глубокие раздумья о жестокой противоречивости человеческой любви, о единстве сиюминутного и вечного.

В стихотворении же «**Белый снег, зеленая трава...**» поэтесса поверяет диалектику противоречивости любовного чувства контрастом двух важнейших в природном спектре цветов: белого и зеленого. И видит в нем глубокий смысл, касающийся не только интимных отношений, а и всего земного бытия. При этом Закусина уходит от банального лобового противопоставления типа зелень травы — весна новой жизни, а снежная белизна — символ седины уходящей. Все не так однозначно, говорит она. Случается, что, когда «седина награждена любовью», то «весна нисходит к изголовью, // и звезда венчальная встает». И тогда контраст белого снега с зеленой травой обретает уже иное, философское звучание:

Снег из неба вечного возник,
а трава — самой земли создание.
Как прекрасен этот дерзкий миг
встречи,
обреченной на прощанье.

Ну, а возможность подобной парадоксальной встречи, утверждает Закусина в стихотворении «**Вернуться к людям**», как бы продолжающим предыдущее, обусловлена тем обстоятельством, что белый снег и зеленая трава есть по сути стороны одной медали, двуединая сущность земного бытия, которая наиболее полное выражение находит, опять-таки, в любовном чувстве:

И все же вместе мы,
трава и снег,
растаяв, замерзая, зеленеем...
немеем мы...
и счастья не имея,
сумеет на погоду не пенять.
Здесь, на земле,
и любим, и живем,
и радоваться ей не перестанем.
Здесь, на земле,
мы, падая, взлетаем.
Здесь, на земле,
мы плачем и поем.

Продолжает развиваться в лирике Закусиной восьмидесятых годов и тема любви и разлуки. Причинам расставания поэтесса находит, помимо прочего, еще и философское обоснование. «Каждый свой миг // человек навсегда расстается // с мигом прошедшим», — пишет она в стихотворении **«Прощеное воскресенье»**, как бы подчеркивая этим «объективную» неизбежность всякого расставания.

Иная, более земная причина расставания у влюбленных в **«Утренних стихах»**. Они, «как кусочек хлеба, // разделили последний день» потому, что поняли: их «песня любящих сердец» придумана ими самими, а не ниспослана им свыше.

Лирическая героиня стихотворения **«Снег разомну я в ладони горячей...»** причину постигшей ее драмы сгоревшей любви видит в том, что «долгие годы врагу, а не другу, верила очень», а потому «по ложному следу // шла без движенья». В итоге, «долгие годы сожгла за минуту». Как и многие другие у Закусиной, этот стих выстроен на контрастах, «встречных курсах» владеющих героиней чувств.

Любовь — чувство космогоническое, в сферу которого вовлечено все сущее в природе. (Эта мысль, вспомним, уже звучала в одном из ранних стихов Нелли Закусиной «Сколько надо любви»). Поэтому и разлука с братьями нашими меньшими может стать драмой не меньшего накала. В чем и убеждает нас поэтесса в стихотворении **«Продавали собак на базаре...»**:

Прижимался ль к хозяину сеттер,
или жался хозяин к нему?
Понимая, что расстанутся,
сеттер хмурил бугристую бровь,
словно думал: зачем продаются
Верность,
Преданность,
Боль и Любовь.

Хочется заметить: поэтических произведений о собачьем племени существует множество, в том числе и истинно шедевральных, вроде есенинской «Песни о собаке». Тем не менее, Закусиной удалось рассказать свою, никого не повторяющую, очень трогательную, проникновенную историю глубоко нравственного толка.

В водовороте переживаний лирической героини Закусиной может оказаться даже целый город. По его ночным просторам она гуляет с возлюбленным, мучаясь невысказанностью чувств (**«Бродить с тобой по городу ночному...»**). И в «черноте молочной» горит для нее единственный огонек — «неповторимый» свет глаз возлюбленного (**«Ночь вдоль улицы...»**). А утром — разлука на фоне картины просыпающегося города с его дворами, автобусами, привокзальной площадью... (**«Город просыпается не сразу...»**). В горячечной любовной лихорадке героине чудится, что это вовсе не она, а город болен, и вокзал становится его «больничной кроватью», сквозь которую «бесстрастно, // как в бреду, // сочатся судьбы, // поезда бредут, // сердца на стыках рельсов бьются», а в «венах синих рельс // пульс колотится» городской (**«Воспоминанья начинаются с утра...»**). Образ вокзала преломляется здесь в яркой и оригинальной поэтической метафоре. Но чувства и настроения лирической героини настолько иногда неопределенны и летучи, что похожи на тополиный пух, готовый сорваться с места от любого дуновения. И в тополиной метели видится ей некто идущий рядом, чьего лица она никак не может разглядеть (**«Городской сюжет»**). И сердится на город, который и о ней «ничего не понимает», и ее возлюбленного «не может объяснить» (**«Город»**).

16. Сказка в жизни есть иная...

Уже после выхода первых поэтических сборников Нелли Закусиной критика отмечала ее склонность к символике и притчевости. Со временем склонность эта, пожалуй, только усиливалась, принимая новые формы.

В стихотворении **«Уроки сказки»** лирическая героиня Закусиной мечтает о сказке, в которой все светло и прозрачно, а она «всегда любима и права».

Что касается поэтессы Закусиной, то она и сама создавала поэтические сказки. Первые под общим названием **«Четыре сказки»** («Добрая сказка», «Грустная сказка», «Цветная сказка», «Щедрая сказка») увидят свет уже в дебютном ее сборнике **«Мой светлый день»**. Продолжит она это направление в своем поэтическом творчестве и в дальнейшем. **«Сказочные»** циклы под разными названиями — **«Мой дом — не дом, а сказочный корабль»**, **«Сказочные страны»** и др. — будут появляться у Нелли Закусиной и в последующих ее книгах.

Собственно, это и не сказки в традиционном понимании, а оригинальные и несколько странные сказочные притчи не то для детей, не то для взрослых, где автор, либо, обыгрывая знакомые сюжеты и ситуации, либо создавая собственные, предлагает нам свой взгляд на какие-то важные в жизни вещи.

Так, **«Любимая сказка»** — это ироническо-пародийный вариант истории о Золушке. Но уже совсем не в детской интерпретации. Закусинская Золушка остается у принца до утра, но не желает быть с ним насовсем, поскольку понимает, что не ровня она ему. Да и принц, оказывается, женатый. Вполне типичная «взрослая» история, которую, по «предположению» Закусиной, кому-то когда-то пришлось в голову оборотить в детскую сказку.

Лирическая героиня **«Щедрой сказки»** представляет свой дом сказочным кораблем, который «полон удивительных историй» и предлагает возлюбленному, отомкнув золотым ключом волшебную дверь в стене, отправиться с нею в романтическое путешествие в страну любви. И обещает: «До той поры идти я не устану, покуда буду чувствовать: нужна и я, и эти сказочные страны». То есть, по словам А. Никулькова, «речь идет... о способности женщины дать сказочное богатство мужчине, доверившемуся ей»⁷. И это очень созвучно полувопросу-полуутверждению, прозвучавшему в заглавном стихе книги **«Мой светлый день» «Спустилась с теплого крыльца»**: «А, может, просто я нужна земле, с моей большой любовью»?!

Мотив значимости каждого отдельного человека, каким бы незаметным он ни был, звучит и в поэтической притче **«Добрая сказка»**. Мораль ее сформулирована в двух строках: «Раз уж человек живет на свете, // значит, для чего-то нужен он!» (Как у Маяковского — «если звезды зажигаются, значит, это кому-то нужно...»). А сказка о том, как жила на свете странная неприметная девочка. На вечерках «песню заведет», а когда распоются, «куда-то странная уйдет». На нее махнули рукой: мол, без нее «не померкнет свет». Но, однажды проснувшись, увидели, что утро не наступает. А без утра и солнце не всходит, и коровы не доятся, и цветы не распускаются, и птицы не поют. Даже песни не поются. Унылая, в общем, настала пора. Собрались тогда девушки, «всех пересчитали» и «и вспомнили вдруг нежный голосок» бывшей своей запевалы. И поняли, что это без нее утро не наступает, это она зажигает зарю нового дня. Запричитали они, прося простить их. И были услышаны. Девочка вернулась и с собою «утро, как козленка привела».

В основе же **«Грустной сказки»** лежит мысль о том, что, примеривая на себя по разным поводам и обстоятельствам ту или иную маску, человек, в конце концов, забывает о своем настоящем лице. Маски, подменяя истинные чувства и настроения, не оставляют, в итоге, места им самим:

⁷ Никульков А. Поэтический мир Нелли Закусиной. // Нелли Закусина. Стихи. («БСП»). — Новосибирск, 1987, с. 7.

И захотелось королю заплакать.
А он без маски
плакать не умел.

А вот в «**Вечной сказке**» уже первая ее строка «...Но, сколько б ни писали о любви...» звучит как позиция лирика, отважившегося вновь обратиться к «вечной», до невозможности накатанной теме. По убеждению автора (и выше я это отмечал), она потому и «вечная», что каждый стихотворец находит в ней для себя нечто неповторимое. Но речь, в принципе, не о том. В сказочно-притчевой форме поэтесса полимезирует здесь с двумя расхожими постулатами: о божественной природе любви и любви как божественной игре. У Нелли Закусиной на сей счет свое мнение. Возможно, полагает она, любовь изначально и дается человеку свыше, зато потом уходит в самостоятельное «плаванье», а Всевышний остается не у дел. Обиженный, он насыляет «в назиданье» влюбленным «сотни острых стрел». Но для них они — «словно летний дождь». Более того, обращает ее лирическая героиня внимание Создателя, «пока они вдвоем живут, любя, там, на земле, они сильнее тебя». Сильней своей удивительной человеческой любовью, которая, как бы ни была «восхитительна господняя игра», все равно прекраснее и несокрушимее. А все потому, бросает лирическая героиня упрек Всевышнему, что «ты сердцем не похож на человека, и в этом-то беспомощность твоя».

В русле «сказочного» направления находится у Закусиной и стихотворная мистическая новелла «**Рисунок**». Лирической героине пригрезилась однажды в поезде странная старуха. А потом стала являться «в те мгновенья остроты, // в те, которые касались // и тепла и доброты» в ее отношениях с возлюбленным. Он уходил, ускользал от нее, а ей не находилось места рядом с ним. И у героини возникает вопрос по поводу мистической старухи: «Не твоя ли это, милый, // непрозревшая душа?»

Еще одна поэтическая сказка Закусиной — «**Про медведя**» — «хорошего, доброго и лохматого», который проснулся в своей берлоге задолго до срока, лишена мистической мрачности, но окрашена грустным юмором. Гонимый голодом, он в предновогоднюю ночь «вышел в город незаметно». В окнах домов он видел на праздничных столах вина и закуски. Медведь попросил хотя бы кусочек хлеба, но люди не услышали его. Он уходил, а снег заметал его следы, как остатки веры в добро.

В том же ключе мудрой иронии написаны фантазмагорические притчи «**Про рыбу-собаку**» и «**Про ящерицу**». (Позже они войдут в поэму «Багульник»).

17. С ироническим прищуром

Нелли Закурина поэтесса в целом серьезная. Ее произведения могут быть и печальными, и драматичными, и светлыми, передавать самые разнообразные оттенки душевных состояний. Однако не чужды они и иронии, которой окрашены не только ее сказки-притчи.

Ирония эта может быть лишь слегка обозначена на канве серьезной, скажем, экологической проблемы, как в стихотворении «**Плач о дожде**», где лирической героине вспоминаются летние дожди ее детства, когда бабушка чистейшей и нежнейшей их водой мыла ей косу. Зато теперь героиня своей дочери косу под дождем даже мочить не советует, потому что «нынче нехорошие, кислые дожди», от которых надо бежать, «как от огня-полымя».

Но способна Закурина и на иронию куда более жальшую. В стихотворении «**Два орнитологических сонета**» поэтесса иронически интерпретирует две известные поговорки. «Бей сороку, бей ворону. Руку набьешь — сокола убьешь!» — гласит одна. Закурина показывает подобного горе-охотника и язвительно советует ему: «И жалости в груди не позволяй гнездиться». В итоге, после ворон и сорок ее антигерой и «сокола

укокал». Он горд своей победой, но у автора возникает очень даже тревожный вопрос: «А что же будет дальше?» Мне же приходит на память созвучное стихотворение А. Вознесенского «Охота на зайца»:

Страсть к убийству,
как страсть к зачатию,
ослепленная и зловещая,
она нынче вопит: зайчатины!
Завтра взвоят о человечине.

В том же ироническом духе обыгрывает Закусина и другую известную народную поговорку: «Курица — не птица, баба — не человек». «Если что-нибудь странней // просьбы милой век из века, // чтобы милый человека // для чего-то видел в ней?» — вопрошает поэтесса и продолжает: «Встретить женщину простую — // много ль надо здесь ума?» Другое дело — птица, которая делает всю женскую работу и к тому же «не рвнует, не ругает, только песенки поет, только зернышки грызет».

Оригинальный по образности пейзаж представляет собой стихотворение «Март». Мартовские дни поэтесса сравнивает с «колодой пестрых карт», которые мокнут в весенних лужах и тающих сугробах. «Простудный ветер марта // мешает на лету// и вздорность, и покорность, // и пошлость, и мечту...». А «над землей восходит луна, как аспирин». В том же ироническом ключе, только о парадоксах погоды, когда «дождь — в начале декабря, // снег — в конце апреля» выдержано и стихотворение «Беспокоились не зря...».

Ну, а отправной точкой этого иронического течения в поэзии Закусиной можно, наверное, считать уже упоминавшееся стихотворение «Грустная шутка», переименованное позже автором в «Информацию к размышлению» и снабженному посвящением «Г.Ф.К.». За этой аббревиатурой угадываются инициалы поэтического друга Закусиной Геннадия Федоровича Карпунина, как и сам он в образе беспричинно и светло плачущего в сквере «седого авторитетного человека».

18. Залпы «главного калибра»

Нелли Закусина в своей поэтической работе всегда стремилась к разнообразию жанров и форм. Во второй половине семидесятых и в восьмидесятые годы она активно осваивала, в том числе, и главный поэтический калибр — жанр поэмы. Менее чем за полтора десятка лет из-под ее пера вышло пять произведений этого жанра!

Всего через год после появления поэмы «У сентября спокойное лицо» в журнале «Сибирские огни» (1976, №11) выходит еще одна — «Стены». Создавалась она, по всей видимости, когда Закусина еще работала в СибЗНИИПе, и стала своего рода поэтическим «прощанием» с архитектурной молодостью.

Автор поэмы задумывается над тем, как соотносятся в жизни человека любовь и творческий труд, любовь и красота, как совмещается все это с его собственным профессиональным предназначением.

Молодая женщина-архитектор, героиня поэмы, проектируя новый дом, мечтает о том, «чтобы всякий «входящий в него внезапно просветлел лицом!» и чтобы на его крыльце забывались «нелепость ссор и агрессивность быта, // усталость от затаенных новостей // и неприязнь к обилию гостей».

Нечто подобное уже звучало у Закусиной в раннем цикле «Рождение города», лирическая героиня которого воспринимает рождение будущего города на ватманском листе как нечто гораздо большее, чем только начертание необходимых линий и проекций («Я, может быть, рисую людям счастье, // чтоб это счастье стало и моим»).

Ну, а героине поэмы «Стены» мечты придают «дерзость и бодрость», желание «красоте служить». Однако для воплощения своих дерзаний ей прежде надо «понять священную тайну искусства — // те мысли создателей, чувства, // что могут веками пленить». А еще понять, кого можно звать настоящим мастером.

Помогает ей в том разобраться старый заброшенный собор, на колокольню которого нередко взбиралась она в детстве, а сейчас, глядя на него, ей кажется, что соприкасается она «с далекой тайной детства»:

Теперь понятны стали мне, известны
цена труда и стройки четкий ритм.
И о вещах простых, вещах чудесных
собор своим молчаньем говорит.

Другими я теперь смотрю глазами
на стены крепкие, на полукруг окна...
И образами, а не образами
меня волнует эта тишина.

Рассказывая в поэме о зодчих второй половины двадцатого столетия, автор то и дело обращает взор свой в далекое прошлое. Ее героине важно знать, в чем секрет древних мастеров, почему их творения переживают века? И молодой архитектор старается ощутить минувшую эпоху, «увидеть руки, плечи, лица людей» ее, «представить // те заботы и начала // в пыли кирпичной, взглядах, голосах, // где сердце мастера рабочее стучало // и пело на строительных лесах». А необходимо это героине поэмы, чтобы так же крепко, на века строить наше настоящее, дабы добрым эхом отозвалось оно в будущем.

Впрочем, на поверку оказывается, что никакого особого секрета, в том числе и «секрета состава немеркнувшей краски», у мастеров прошлого нет. Все очень просто, если горит в душе огонь любви к делу своему, родине и людям, во благо которых мастер созидает:

А мастер секрет не скрывал.
Те краски Россия дарила:
из сердца он киноварь брал,
из слез ее ультрамарины.

А охру — так прямо из рук
натруженных, в желтых мозолях.
И свет появлялся не вдруг —
от света в душе
и от боли.

Закусина очень поэтично и лирически взволнованно изображает труд мастера минувшей эпохи и тот вдохновенный творческий процесс, результатом которого стал взметнувшийся куполом к небу красавец-собор — «творенье божественных рук, // трудящихся неустанно».

Удачно использует автор в поэме такой композиционный прием, как закадровые «голоса из прошлого». Мастера, в том числе, который в монологе-обращении к потомкам говорит, что через творенье рук своих останется в веках:

Я жизнью своею
хотел эти стены наполнить,
о вере в себя,
о борьбе и любви

вам напомнить.
Хотел, чтобы знали вы:
сердце живое здесь бьется.
Хотел, чтобы поняли,
как красота создается.

Вообще же монолог этот — настоящий гимн Красоте. Чудо Красоты видится Мастеру во всем: «и в труде, и в рожденье, и в чувствах». Монолог и заканчивается страстным призывом Мастера любить Красоту и беречь.

Сохранять и приумножать Красоту, уверена героиня поэмы (несомненно, что это и позиция самого автора) необходимо еще и для того, чтобы не рвалась связь времен. Красота одухотворяет даже мертвый камень, и счастлив творец, сумевший ее по-своему, неповторимо выразить.

Вместе с тем, отмечает автор поэмы, Красоту творят не боги, а люди с большим жарким сердцем, для которых «понятия работа и жизнь в одно понятие слиты» и для которых нет выше счастья, чем «работа, утверждающая жизнь». А в этом органическом единстве любая работа превращается в подлинное искусство, если делает ее талантливый и влюбленный в свое дело, одухотворяющий ее человек:

Ведь можно так слова
связать — душа займется...
И так колоть дрова,
что воздух засмеется!

Нечто схожее говорил когда-то Михаил Исаковский: «Нынче всякий труд почетен, где какой ни есть, человеку по работе воздается честь». Закурина по-своему интерпретирует эту мысль. Да и сама она в качестве мастера поэзии как раз тем и привлекательна, что ей удастся всякий раз «так слова связать», что они становятся близки и интересны ее читателям, ценителям настоящей поэтической работы.

Через год с небольшим (1978, №2) «Сибирские огни» напечатают новую поэму Закуриной «Багульник».

Замысел ее возник неожиданно (как, впрочем, и других поэм, заранее поэтессой не планировавшихся). Весной Нелли купила у теток на улице веточки багульника и дома поставила их в воду. «Багульник на столе — // нечаянная радость». Веточки не зацвели, зато вспомнилась Бурятия, где багульник растение почти что культовое, некоторые обстоятельства того периода жизни, и мысль заработала... Сначала написалось короткое стихотворение под тем же, что и поэма, названием:

Я тебя забыла за делами.
Время — лекарь.
что ни говори...
Вдруг смотрю...
сиреневое пламя
жарко на столе моем горит.

Вспыхнули коричневые веточки,
до сих пор
молчавшие в воде.
Тихою,
негаснущею весточкой,
памяткою светлой
о тебе.

Оно и стало отправной точкой будущей поэмы, а потом вошло в нее составной частью. Работа над поэмой то пускалась бодрой рысью, чуть ли не приударяя в галоп (поэтесса едва успевала записывать рождающиеся строки), то затухала. В общем, как и остальные ее сестры, писалась не сразу, не в один присест.

В основе поэмы «Багульника» реальная история реального человека — близкой в молодости подруги Закусиной, с которой чувствовала она внутреннее сходство («мы с тобой две сестры // не по крови — // обе рвемся к любви»). Поэма и написана в форме рассказа о подруге.

Перед нами стихотворное повествование о судьбе молодой женщины, ее становлении и обретении себя, поиске своего призвания и места в жизни.

А где-то там играла музыка
и, доносясь издалека,
она, рассказывая, мучилась, —
о женской доле, женской участи,
о женской слабости
и мужестве,
пугая женщину слегка
и будоража. Среди ночи
босую выводила в сад,
и вечным женским одиночеством,
его величеством-высочеством,
ночь наполняла паруса.

Важное место в этой судьбе составляют поиски настоящей любви, замешанной на взаимопонимании и взаимном чувстве:

Как быть,
чтоб сквозь времени бег
услышал другой человек
неслышные токи любви,
тревоги и беды твои?

В лирике Закусиной вопрос этот звучит постоянно. Однозначного ответа у поэтессы нет, но в русле его поиска в основном и развиваются в ее поэтических произведениях взаимоотношения мужчины и женщины.

«Твой мир подменял он своим. // Но в нем было душно двоим». Вот достаточно распространенная причина разлада любящих людей. Собственно, эта «подмена» и побуждает героиню поэмы Веру бежать от мужа и налаженного бытового комфорта на суровый Таймыр, даже еще не представляя толком, какая у нее «цель конечная, // на каком берегу».

«А вот пришла куда ты? // И рвешься не в открытую ли дверь, // в чем женщины частенько виноваты?», — задается вопросом автор поэмы, пытаясь разобраться, где та «вина», насколько она глубока «и в чем ее причина». И приходит к выводу, что вина лежит в равной степени на обоих, а главная причина семейных трещин и разладов в том, что «мы так привыкли требовать тепла, // что забываем отдавать...»

«История твоя несовременна? // Ты — Золушка? // Но где тогда твой принц?» — вопрошает автор. Вопрос остается открытым. Вероника, обретая себя и свою жизненную нишу, принца, во всяком случае, в пределах существующего пространства поэмы, так и не находит. К мужу тоже не возвращается. Но приходит к важному для себя пониманию, «что в жизни высший дар — любить, дарить любовь, другим ее нести...». Помогла ей в этом, «нашла пути к спасенью» «и тропку протоптала не спеша, // моей (автора-рассказчика — А.Г.) дочурки крошечка-душа». А спасение свое и обретение себя

Вероника находит в деле, в котором ей удастся выразиться сполна, но, главное, помогать другим. Делом этим становится для нее работа врачом детской больницы в приполярном поселке, куда больные малыши поступают со всей округи.

Любви твоей серебряная нить
вплелась в простые добрые дела.
Там, где легко ты по траве прошла,
цветут цветы.
И тысячи детей
так рады белой шапочке твоей.
Когда ночей над ними не спала,
спасая их, —
ты и себя спасла.

Поэма озаглавлена по названию распространенного в Сибири таежного и болотно-тундрового цветка. Расцветающий к финалу поэмы на столе рассказчицы багульник и становится естественным природным символом, как бы олицетворяющим «последний всплеск любви, // хранимый в душах-недрах».

Поэма вообще дышит сибирской природой, ее приметы видны повсюду. В ее контексте разворачивается и драма Вероники, для которой Сибирь, сибирский Север — не просто фон, а естественная среда обитания.

Поэма «Багульник» снабжена подзаголовком «Зимняя повесть». Действие ее по большей части действительно разворачивается на зимних сибирских просторах. Но просматривается и другой, метафорический смысл: царившая в душе Вероники зима с обретением себя и своего места в жизни уступает место весеннему потеплению и обновлению чувств.

Будучи в магистральном своем течении поэтическим повествованием, «Багульник», тем не менее, далек от размеренного, спокойного, а уж тем более монотонного изложения. Поэма написана в разных ритмах с использованием разных жанровых форм. Так, поэтесса вставляет в основной текст песенный и сказки-притчи — о «рыбе-собаке-детеныше», о ящерице, которая «не пойманной быть, понята хотела». Их сочиняет Вероника и шлет в письмах маленькой дочурке своей подруги. Как верно отмечает А. Никульков, «эти фрагменты, не имеющие, вроде бы, связи с сюжетом, создают ту поэтическую атмосферу метаний переливов духа, в которых живет героиня поэмы Вероники»⁸.

Нравственным поискам молодых современников была посвященная и следующая поэма Нелли Закусиной «Верни себя». («Сибирские огни», 1982, №9). Вглядываясь в них, поэтесса в лице своей лирической героини пытается понять, что скрывается за их «фасадом», каковы они на самом деле без масок и мишуры и что нужно им для того, чтобы стать настоящими людьми. Она отмечает их инфантилизм («по сорок вам, а все еще — ребята»), преждевременную усталость не успевших окрепнуть натур, жизненную апатию. И все чаще героиня поэмы вместо человека видит лишь его отражение, которое страшит ее своей бескрылостью и пустотой.

И невольно сравнивает она свое поколение, не способное к подвигу, с героическим поколением отцов, которые в огне кровавой войны ценою собственных жизней прокладывали путь к спокойной стабильной жизни детям и внукам. И за каждым из этих поколений остается такой разный след: «Твой легкий след. // И вечный след его».

Для героини поэмы «Верни себя» поколение отцов — духовный ориентир и высочайшая нравственная планка, до которой не дотянуться ее молодым современникам. Поэтому, выбирая достойного возлюбленного, «в мужчинах поколения моего» невольно

⁸ Никульков А. Поэтически мир Нелли Закусиной. //Нелли Закусина. Стихи («БСП»). — Новосибирск, 1987, с. 11.

искала она лучшие черты мужчин того, другого поколения — «величайшего поколения величайшей силы духа» (А. Плетнев).

При этом вряд ли приходится говорить о конфликте поколений. Сорокалетние «ребята» хоть и переросли давно по возрасту отцов, но «всё у них совета просят». А дело, считает автор поэмы, в самих преемниках:

Мы у отцов своих защиты ищем...
Они ж геройством яростным своим
на много сотен лет
нас будут выше.
И мы никак до них не долетим.

И женская моя надежда — птица —
крылом хлестнула больно по лицу.
Необходимо мне тобой гордиться.
А я сквозь годы кланяюсь Отцу.

С другой стороны, не все так грустно. Героиня поэмы «Верни себя» прекрасно видит и осознает слабости своих сверстников. Но главное — чувствует и свою ответственность. Во всяком случае, в любви («любимой стать — ответственность моя»). В поисках любви она ни на минуту не забывает, о перспективах и последствиях своего выбора:

Чтоб щедрый урожай
отмерить полной мерой,
как истина, он прост —
любви моей устав...
Любимой стать твоей?
Кого ж, ответь мне, миру
смогу я подарить,
твоей любимой став?

Задавая этот вопрос, героиня поэмы полнится надеждой, что далеко не все потеряно для ее поколения, у которого остаются шансы «вернуть себя».

А. Никульков по поводу этого произведения писал: «В наши дни особой общественной активизации горячая актуальность поэмы «Верни себя» еще более возрастает. В каждом поколении немало носителей психологии равнодушия, консерватизма, эгоистических устремлений, с которыми приходится ... всему обществу вести напряженную и нелегкую борьбу. Верни себя! — это весьма современный, необходимый призыв. Верни себя к тому великому всенародному слиянию во имя наивысшей цели, каким остается для нас пример героев Победы!»⁹

С этим призывом Нелли Закусина обращалась в начале восьмидесятых годов к поколению своих сверстников. Но и более тридцати лет спустя можно констатировать, что и призыв тот, и сама поэма в основных своих моментах по-прежнему актуальны и современны.

Несколько особняком стоит у Закусиной поэма «Липа вековая» («Сибирские огни», 1988, №5).

Написана и опубликована поэма была без привязки к каким-либо военным датам, когда из пишущего люда на сбор юбилейного «урожая» не выходил только ленивый.

⁹ Никульков А. Поэтически мир Нелли Закусиной. //Нелли Закусина. Стихи («БСП»). — Новосибирск, 1987, с. 14.

Вместе с тем дитя войны Нелли Закузина, просто не могла в своем творчестве обойти эти огненные годы, ставшие частью ее собственной жизни.

«Липа вековая» была у Закузиной далеко не единственным и не первым произведением военной тематики. Задолго до этой вещи, на пороге семидесятых годов появляется у Закузиной целый ряд стихов, навеянных отзвуками великой войны. Ими («**Только б не было войны...**», «**Возвращение**», «**Военные отрокотали грозы**» и др.), поэтесса завершает свой первый сборник. К теме войны обращается она и в дальнейшем.

Поначалу, правда, ее «военные» стихи грешат прямолинейной газетной риторикой, плакатным антивоенным пафосом. Но Закузина старается найти свой ракурс, поворот темы. И, в общем-то, небезуспешно, особенно когда переводит ее в бытовую плоскость.

Через тягостные будни ожидания передает поэтесса горечь войны в стихотворении «**Ожидание**».

Очень живая, зримая, радостно и печально трогательная сценка встречи вернувшегося домой фронтовика изображена в зарисовке «**Какая маета над пирогом!..**». С одной стороны, безмерное счастье родни, увидевших его живым, а с другой — горькая зависть соседок, кому радости такой встречи испытать не довелось. И как некий объединяющий интеграл того и другого «почти одушевленный» пирог, который «плывет в глазах, качается...».

Вернувшемуся к мирной жизни солдату посвящен еще один стих Нелли Закузиной «**Не убило его на войне...**». Выжив в кровавой мясорубке, воин хоть и «вернулся с ногой деревянной», но с энтузиазмом взялся за восстановление мирной жизни, уверенный в том, что, раз «нет войны, значит, — дело пойдет». Читателю же поэтесса дает понять и почувствовать, что такие, как он, могут, если надо, и дом свой отстоять, и сделать его еще краше: «Наведу я кругом красоту. // Красота мне и дело знакомы».

Но вот война давно позади. Детям, выросшим в мире, и сны снятся мирные. А из глубин памяти лирической героини всплывает ее военное детство, которое «...в мамином сером платке, // словно сквозь щелку в заборе, // сквозь годы, // с карточкой хлебной в руке // смотрит на них...» (детей детей войны — А.Г.) И страшно боится она, глядя на нынешних детей, которые «спокойно спят» только одного — чтобы «этим снам — предвоенными, // только б не стать» («**Детям детей войны...**»).

Так что ко времени создания «Липы вековой» за плечами Нелли Закузиной уже был определенный опыт разработки военной тематики. Но именно в этой поэме удалось ей с наибольшей для себя художественно полнотой и силой выразить и показать войну как величайшую трагедию, не имеющую временных, пространственных и исторических пределов.

При этом вполне реалистичная история женщины, до конца дней своих ждущей не вернувшегося с войны возлюбленного, превращается здесь в трагическую притчу о верной, но не успевшей расцвести и дать плоды любви. Ну, а сама поэма обретает глубоко символический и философский смысл. Великая Любовь верно любящей женщины «светлым факелом» проходит сквозь века и эпохи, через поля самых страшных сражений. И делает всех павших за правое дело бессмертными и непобедимыми.

Погиб он в первую из войн,
что по земле прошла.
И стал затем бессмертным он,
чтоб ты его ждала.
Чтоб вечной женщиной любим,
он, в каждую из войн
смог снова встать. Непобедим
и мертвый, и живой.
Есть вечный путь,
куда б ни шел,
коль вечный слышишь зов.

Есть память вечная и долг.
Есть вечная любовь!

Гимном такой — «вечной» — любви к близким людям, Родине, долгу, ко всему живому на земле и стала пронизанная мощным антивоенным пафосом поэма Нелли Закусиной «Липа вековая», которую поэтесса посвятила «всем женщинам Земли, потерявшим любимых на войне».

Почему поэтесса ее так назвала? Да потому, наверное, что увидела в липе «Дерево России» — «символ одиночества и силы // женской неразгаданной души».

19. Школа литературного мастерства

Утверждая, что «Сибирские огни» были для нее «всем», Нелли Закурина имела в виду и тот неоспоримый факт, что, помимо всего прочего, журнал стал для нее еще и великолепной школой литературного мастерства. И не только потому, что бок о бок с Нелли Михайловной трудились в редакции несколько известных сибирских поэтов, благотворно влиявших на ее поэтическое формирование. По своему учила литературному профессионализму и каждодневная редакторская работа. Она развивала вкус, словесное чутье, оттачивала умение обращаться со словом. Но она же и воспитывала в творческом человеке, ею постоянно занимающемся, строгого «внутреннего редактора», который так необходим в процессе рождения собственных сочинений. Тем более что «Сибирские огни» тех времен располагали сильными редакторскими кадрами, у которых было чему поучиться.

Отношение же к слову всегда было у Закусиной очень серьезным и трепетным. А с годами и все более ответственным.

О цене неосторожного, необдуманного слова пишет она в стихотворении «Слово». Оно может обидеть друга, оставить в одиночестве, разрушить судьбу, а подчас оно «в тысячи раз сильнее // многих больших речей». Неосторожное слово способно, как искра, вызвать пожар, обрушиться с самой высокой вершины. А потому, делает автор вывод, со словом надо обращаться осторожно и уважительно.

Не приемлет Нелли Закурина и ложную многозначительность, о чем прямо заявляет в одноименной поэтической декларации: «многозначительность модна», «многозначительность пуста, нагла, спесива, о чем-то все звенит...» и «мешает ответить просто «нет», или просто «да». А по большому счету:

Ведь только простота
и украшает.
Ведь только простота
и утешает.
Ведь только простота
и возвышает.
До званья Человека.
Навсегда.

В своей поэтической работе Закурина, пусть путем проб и ошибок, поисков и экспериментов, также всегда стремилась к той «гениальной» простоте, которая делает доступными и понятными самые сложные человеческие чувства и отношения, до минимума сокращая путь к читательскому сердцу.

Еще на старте своей поэтической карьеры Нелли Закурина начинает задумываться о предназначении поэзии, сути и смысле поэтического бытия, красоте истинной — живой и полнокровной, и мнимой — холодной и искусственной. О чем свидетельствует целый ряд ее ранних стихов.

Поэтические цветы, убеждена Нелли Закусиной, выращиваются не лишь для собственного удовольствия. И поэтесса всегда готова подарить их всем, кому они понравятся, или будут необходимы: «Но если чью-нибудь печаль // он сможет утолить, скажу: // — Берите, // мне — не жаль, // о чем тут говорить...» («**Красивый выращу цветок...**»).

В стихотворении «**Подарок**» несколько иной поворот темы. Преподнесли героине цветок каменный, очень похожий на настоящий. А ей обидно. Поскольку он «не греет и не лечит» и, в отличие от нее, земной, живой и смертной, — вечный, «постоянным светится огнем».

Именно такую холодную застывшую красоту и не приемлет Нелли Закузина, поэзия которой — цветок совсем не «каменный», а живой, теплотворный, согретый большой всепроникающей любовью. Потому и воспринимает она каждый рожденный в творческих муках стих, как только что появившегося на свет ребенка. («**Как радуюсь я новому стиху...**»).

Драматический этот процесс Нелли Закузина запечатлевает в одном из стихотворений, заодно высказывая собственную точку зрения по поводу того, «из какого сора растут стихи, не ведая стыда» (А. Ахматова):

Из всех земных противоречий,
хитросплетений, благ и мук
в моей гортани
жаркой речи
рождается начальный звук.

Еще он слаб и неустойчив,
но, проникая в жизни суть,
он крепнет и, откровоточив,
готовится на высший суд.,

На суд людской, через пороки,
сквозь ограждения всех мастей,
через кипящие пороги
смятений грешных и страстей...

Пересекая зной и стужу,
превозмогая смех и стон,
и, песней вырвавшись наружу,
меня оправдывает он.

(«Из всех земных противоречий...»)

Та же Ахматова в «Тайнах ремесла» писала: «По мне в стихах все быть должно некстати, не так, как у людей». Как бы в продолжение ее мысли Закузина подчеркивает, что у поэта и отношения с окружающим миром должны быть иные. Герой ее стихотворения «**Он врал, но вранья не любил...**», «странные строчки слагая», в поисках любви и смысла жизни испытывает боль. А когда спрашивает Бога о том, где они — Смысл и Любовь, слышит в ответ: «— Ты боль испытал? Ты — поэт. // А суть твоей жизни — Дорога».

Да и сам поэт — существо такое же странное, с обывательскими мерками не совпадающее — что называется, «не от мира сего». «Мне никогда не полюбить поэта...» — заявляет лирическая героиня в одноименном стихотворении, ибо, по ее удивительно точному ощущению, это равносильно тому, что:

Быть в стуже по-весеннему раздетой
и зябнуть в полдень яростного лета —
вот так любить поэта... Каково?

Не пощадит, не защитит, разруша
всё, что может целым миром стать,
и на куски разодранную душу
он будет вновь без устали латать.
Как вечный двигатель, любовь изобретая,
не пощадит и сердца своего...
Звездой вечной истина простая
взойдет лишь над могилою его...

(«Мне никогда не полюбить поэта...»)

А до той поры, до того «момента истины» — кропотливый, тяжкий, черный повседневный труд, в горниле которого и формируется всякого рода художник. И труду этому, утверждает Нелли Закусина в философическом стихотворении «**Вышиванье — не царское дело...**» подвластно всё — «несвершённого нет».

Проблема в другом. С жизненным опытом и мастерством может уйти свежесть и первозданность чувств:

Покажу тебе я старые стихи,
расскажу, где правда в них, где нет.
Может быть, они по технике плохи,
да зато теперь такого света нет.

Про вокзалы я писала, поезда,
про разлуки, что не ведала тогда.
А теперь, когда пришлось их испытать,
мне о них таких стихов не написать.

(«Покажу тебе я старые стихи...»)

Этого поэтесса и боится, и стремится избежать всеми средствами. А средств, самых разных, в ее поэтическом арсенале в достатке.

Обращает, прежде всего, на себя внимание мастерство поэтической детали, которым прекрасно владеет Нелли Закусина, проявляя эту свою способность еще со времен поэтической юности.

Так, в одном из ранних стихов уходящее лето предстает в образе пожелтевшего листочка, которое «на озере... улеглось» («**Лето**»).

В стихотворении «**Фотография — будто пытка...**» всего в нескольких строках выражено большое сильное чувство, которое подчеркнуто удачно найденным финальным штрихом — «и собака... у ног твоих, // так любившая нас двоих».

«Мерзлый огонек» клюквы на «заиндевелом сером болоте» — «у снега на краю» — заставляет лирическую героиню в стихотворении «**Клюква**» вспомнить ушедшую любовь. Вернее оставшуюся от нее обиду. Ее горько-сладковатый вкус похож на вкус клюквы.

О прошедшем стороной счастье в стихотворении «**Прозрачные осенние букеты...**» напомнил лирической героине среди зимы сорвавшийся с сухой веточки осеннего букета лист. Но не горечь она почувствовала, а что-то полное любви и тепла, «беспомощное, светлое». Крохотной детали оказалось достаточно, чтобы передать это ощущение.

Стихотворение «**Сосны словно наискосок...**» примечательно тем, что держится фактически на одном красивом, звучном, колоритном диалектизме — *бусенит* (значит сыплется мелкий, как пыль, снежок — А.Г.). «Бусенит над моей головой // белый снег, как сама любовь». Но снежок-то непрочный, почти эфемерный — легкомысленный. Потому и боится лирическая героиня поддаться его легкомысленному эфемерному обаянию — «так боюсь полюбить тебя», что «все равно нам с тобой не быть, // не влюбиться, не разлюбить», ибо, уточняет она, обыгрывая слово «бусенит», — «наши годы, как бусенить».

Главной приметой изнывающего от летнего зноя степного пейзажа в стихотворении **«Безжизненная степь тревожит душу...»** становится повисший «над степью горький вкус тревоги— // вкус выжженного хлеба».

Находит поэтесса и выразительные запоминающиеся сравнения. В поэме **«Багульник»**, например, читаем: «И, успокаивая, гладила, // рояль, как доброго слона». В другой поэтической вещи окна стоящего у перрона экспресса, похожи на «сотни тлеющих экранов» (**«Сырой перрон и тяжесть чемоданов...»**). А за окнами мчащегося в ночи скорого поезда, проскакивающего без остановки полустанки, вспыхивают вдруг «уколы станционных огоньков» (**«Перестуки, перебои...»**).

Охотно использует Закурина детали-образы метафорического характера, когда какой-нибудь конкретный штрих окружающей реальности обретает переносный смысл и подтекст. Как в зарисовке **«По хрупким листьям золотым...»**, где обычная бытовая сценка (жгут сухие осенние листья) одним «росчерком» поэтического пера становится символической: «Там лето жгут, // там зиму ждут...». Или в стихотворении **«Над осенью вороний грай...»**, где осенний пейзаж предстает в образе стаи ворон, которая «кружит и с ветки падает на ветку». Образ этот прекрасно соответствует и душевному состоянию лирической героини.

Небезуспешно использует Закурина метафорический образ и для усиления звучания чувственных струн лирической героини: «И, беззвучным криком маясь, я о воздух сердцем бьюсь», «белый свет собственноручно запираю на засов» (**«Я себя уговорила...»**).

О мелодичности и музыкальности как одной из примет поэзии Закуриной, обостренном слухе поэтессы, способном улавливать даже «тень звука» я уже говорил. Отсюда вполне естественно появление в ее стихах ряда интересных звукообразов, некоторые из которых неплохо уживаются с образами живописного, графического ряда. Так, в стихотворении **«Пожалуйста, будь счастлив и спокоен...»** тоска по любимому человеку удивительным образом проявляется в рисунках лирической героини: что бы она ни изображала в них, во всем проступают *его* черты («а ты во всем»). Заканчивается же стихотворение замечательным звукообразом: «И слово журавлиное «тоскую» // летит и угасает вдалеке...».

А вот стихотворение **«Всколыхнулась в душе...»** примечательно весьма необычным художественным приемом, неординарность которого в том, что поэтесса выстраивает стих (и очень, на мой взгляд, удачно) в диапазоне двух музыкальных полутонов. Поезд уходит, а вослед «оторвалась лишь тонкая нотка бемоль», которая задает минорную тональность расставания и прощания. Но вот появляется менестрель и «после песни его // остается звенящая нотка диез, // и надежды рождается вновь колдовство».

Далеко не всегда поэтика Закуриной опирается на материализованные и четкие смысловые образы. Многие ее стихи являют собой этакие лирические фантазмагии, где нет как таковых событий, действий, сюжетов, но есть захватывающие коллизии предчувствий, предощущений, завораживающие переливы полутонов, полуоттенков, удивительны повороты ассоциаций... (Не надо только отождествлять их с явлениями ложной многозначительности, против которой восставала Закурина).

Достаточно красноречивым примером такой лирической фантазмагии может служить стихотворение **«Ночная лыжня»**. «Этот странный путь» по пустынной земле под «морозным светом луны», который «все сгладил, все размыл», а «сама луна на коромысле, и каждая звезда вбивает в небо гвоздь», этот путь в никуда под «скрип ночной лыжни, // нерадостный и длинный», по признанию лирической героини, «право же бессмыслен». Стих тоже вроде бы ни о чём. Но вспыхивающий на том чуть ли не мистическом пути сполох детского воспоминания все ставит на свои места:

Давно ль такое было:

с портфелем через лес,
по снежной целине...
И сквозь ночной мороз
копящее светило
спасеньем для меня
сияло на окне.

И этот копящий «светильничек» становится тем недостающим и по-своему символическим звеном, которое связывает минувшее и настоящее лирической героини и замыкает картину ее собственного подлунного мира.

О поэтической работе Нелли Закусиной говорить можно еще долго, ибо поэтесса, следуя истине, что нет предела совершенству, ни на какое время ее не прекращала, шлифуя свои произведения, ища новые способы выражения мыслей и чувств. Ее поэтический калейдоскоп постоянно в движении, являя читателю все новые поэтические узоры, которые наглядно демонстрируют, что она способна работать в разных формах и диапазонах, использовать самые разные образы и краски. И эта неистребимая тяга к самосовершенствованию (непременная, кстати, и основополагающая черта профессионализма в любом деле) останется в Закусиной на всю жизнь.

20. До последнего патрона

Между тем, размеренное стабильное течение редакционной жизни «Сибирских огней» во второй половине восьмидесятых нарушилось. В 1987 году произошла смена власти. Анатолий Васильевич Никульков ушел на пенсию. Место главного редактора занял бывший его заместитель Геннадий Карпунин. И начал перестройку внутри редакции.

В первую очередь новый «главный» поменял местами заведующих отделами поэзии и прозы, в результате чего Закузина оказалась на поэтическом фронте журнала. Что ее, мягко говоря, не обрадовало. Даже напротив: она восприняла для себя происшедшую «рокировку» как коварный удар ниже пояса. Понять ее было можно — все-таки, не поэтический, а прозаический отдел в журнале был основной, ведущий. И, разумеется, наиболее престижный. Тем более что к этому времени Нелли Михайловна уже почти десять лет его возглавляла.

Впрочем, и сам журнал не оставался прежним. Ветер перемен задел и его. Рушились идеологические заслоны, свобода слова гуляла сквозняком по редакционным коридорам, возвращалась запрещенная советскими идеологами литература... Отразилось ли все это как-то на творчестве самой Закусиной? Лично я этого не заметил. Любовь оставалась главным ее поэтическим предметом, а она, как известно, социально-политическим ветрам не подвластна. Другое дело, что все чаще звучала в ее стихах тревожная интонация.

Во всяком случае, уже не писались такие светлые жизнерадостные стихи, как «**Вот снова март**», или «**Летний вечер**», от которых исходят лучезарные флюиды далекого счастливого безмятежного прошлого, где нет плохого, вспоминается только хорошее и друзья-поэты, которым «стихи читать друг другу... не надоело». И возникает трепетное ностальгическое желание:

Если б можно возвратиться было в счастье это!
Чтоб коснулась нас легонько молодости милость.
Чтобы счастье мне на платье бабочкой садилось...

На пороге девяностых жизнь поэтессой Закусиной воспринимается уже несколько по-иному — скорей не как реальность, а некая иллюзия в разных ее вариациях. Навянная ветрами перемен вожденная свобода — тоже:

Вот — иллюзия свободы.
И в толпе среди народа
нет меня.
И неподвижно
тень застыла у крыльца.
(«Вот иллюзия полета...»)

Подобного рода «иллюзию свободы» испытал на перестроечно-реформаторской волне и журнал «Сибирские огни», для которого девяностые годы стали сплошной борьбой за выживание. Трудовой коллектив «Сибирских огней» сделался их учредителем, и журнал попробовал жить самостоятельно. Но в свободном плавании по волнам штормового моря дикого российского рынка, полного подводных камней и рифов, оказалось не только не сладко, но и порой просто смертельно опасно.

Да и не было уже прежней слаженной, сплоченной, хорошо чувствующей и понимающей друг друга команды с сильным капитаном во главе. Расстался с журналом Никульков. Ушел Плитченко. Работал он сначала главным редактором в Новосибирском книжном издательстве, затем в том же качестве — в новообразованном Сибирском отделении издательства «Детской литературы». Основал журнал «Горница». Уехал в Москву Романов. За бортом редакции оказались некоторые другие сотрудники «Сибирских огней».

И у Нелли Закусиной рядом оставалось все меньше друзей. Не со всеми и отношения хорошие сохранились. От некоторых потянуло холодом, кто-то вдруг отвернулся, а иные даже и предали. Нелли Михайловна не никого не судила. И отнюдь не по библейской заповеди «не суди — да не судим будешь». Просто друзья оставались для нее друзьями навсегда.

В чем и настаивает она в поэтической сентенции с говорящим за себя заголовком «Друзья не бывают плохими». В настоящей дружбе, утверждает поэтесса, нет друзей хороших или плохих. Все они — твои, и принимать их надо такими, какими есть. При этом нельзя ожидать всегда легких безоблачных взаимоотношений. Напротив, говорит Закузина, «мы каторжно обречены // на долготерпенье, // на муку // прощать // и любить до конца». Потому что труд, ответственность и бесконечная безоглядная любовь — вот основные координаты, в которых только и может существовать истинная дружба. И если она дает трещину, то причины надо искать не в друге, а в себе.

В конце 1992 года журнал взяла «на буксир» никому не известная акционерная компания «Полис Компани финансы траст холдинг». Основной род ее деятельности был совершенно далек от изящной словесности, но нашлись в ее руководстве люди, интересовавшиеся сибирской литературой, с уважением относившиеся к старейшему российскому «толстому» журналу. Они решили протянуть руку помощи. Ребята имели доброе сердце, но были идеалистами, очень плохо представлявшими, что такое литературный журнал в принципе. Их иллюзии относительно того, что знамя «Сибирских огней» можно без особых хлопот и затрат подхватить из рук прежнего знаменосца и снова поднять победным стягом, рассеялись быстро. Потом эти идеалисты от бизнеса из компании ушли, а оставшимся прагматикам журнал, и без того смотрившийся в их среде белой вороной, инородным телом, стал вовсе обузой, от которой они поспешили избавиться...

Представляю, как чувствовала себя среди этих молодых нуворишей поэтическая душа Закусиной. По крайней мере, неудобно. Тем более что сама Нелли Михайловна никогда не мечтала о больших деньгах, несметном богатстве. Скорее наоборот. «Больших

денег не хочу, даже их боюсь, — признавалась она. — Это несвобода. Но иметь их в достаточном количестве, причем обязательно заработанных, надо для нормального существования»⁹.

Однажды при встрече (я тогда уже не работал в журнале) поинтересовался у Закусиной, долго ли она еще будет прозябать в нынешних «Огнях». «До последнего патрона!» — с каким-то гордым вызовом ответила она.

До этого «патрона» оставалось уже немного...

В 1994 году Нелли Закузина из «Сибирских огней» уйдет. Как покажет будущее — навсегда.

21. Воспитание чувств

Но и на «вольных хлебах» обретаться она тоже не захочет. А точнее — не сможет. По той, хотя бы, простой причине, что в своей сознательной взрослой жизни она всегда *работала*, или, на писательском сленге, — *служила*. В проектных институтах, редакциях газет и журналов. И без службы себя помыслить просто не могла.

Вопрос был один: куда пойти *служить*? Нелли Михайловна стояла, как витязь на распутье. Первоначальный ее, архитектурный, путь остался давно в прошлом, литературно-редакторский — временно недоступен. Но высветилась еще одна стезя — педагогическая. Волею случая и сложившихся обстоятельств Закузина на нее и ступила.

Не сказать, что произошло это совсем уж неожиданно. С детьми ей приходилось заниматься и раньше: выступала со стихами в домах детского творчества, школах. И однажды, когда Нелли Михайловна уже рассталась с «Огнями», директор Дома детского и юношеского творческого Октябрьского района С.Т. Анохина пригласила ее поработать руководителем литературной студии.

Несмотря на то, что ни по каким линиям в ее роду педагогов не было, Закузина к этому роду деятельности оказалась внутренне готовой. Ибо интуитивно чувствовала, что учитель и поэт занимаются, по сути, одним делом — воспитанием чувств. У каждого свои средства, но общий источник духовной энергии — любовь, Та самая, огромная, без конца и края всеобъемлющая любовь, что «движет солнца и светила», которую не уставала воспевать Закузина в своих стихах. И она согласилась.

Вторую половину девяностых и большую часть «нулевых» годов нового столетия Нелли Михайловна посвятит себя работе с юными. Она будет руководить литературными студиями в домах детского и юношеского творчества Октябрьского и Центрального районов Новосибирска, вести в нескольких школах уроки эстетического воспитания, где будет внушать своим подопечным мысль о том, что «литература и творчество — крылья, поднимающие слабую душу к сильной любви»¹⁰.

По приглашению Нелли Михайловны я и сам не раз принимал в тех уроках участие и могу засвидетельствовать, насколько захватывающе интересно они проходили. На них я убеждался, что Бог дал Закусиной не только поэтический, литературный, но и педагогический талант.

Параллельно вела Нелли Михайловна постоянно действующий литературный конкурс «Душа России» Он охватывал все школы Октябрьского района Новосибирска, и по ежегодным его итогам из лучших работ учащихся выпускались сборники.

Не один год Закузина возглавляла также и областной конкурс детского творчества «Золотое перышко».

Давало ли это как творческому человеку что-то ей самой, кроме заработка? Журналист Алексей Надточий по этому поводу пишет, что «в самое-самое смутное и для

⁹ Нелли Закузина: Любовь — это все-таки труд. // «Учительская газета», 26 октября 2004 г.

¹⁰ Там же.

многих вообще потерянное постперестроечное время она спасала свою душу и свой поэтический дар в работе с детьми...»¹¹. Вряд ли с этим утверждением можно всецело согласиться. Слишком, пожалуй, громко сказано. Но в определенной степени, по собственному признанию поэтессы, общение с детьми ей было интересно и полезно. Разбирая детские работы, она находила что-то новое и для себя. Хотя настоящих открытий почти не было. Обращало на себя внимание и то, что, положительно относясь к самому процессу «сочинительства», дети не очень жалуют оборотную сторону его медали — работу над текстом, как, впрочем, и критику в свой адрес.

Вспоминалось ей тогда из своей редакторской практики, что и многие взрослые авторы ведут себя так же, по-детски, и невольно накатывала тоска по той — *настоящей* — работе.

И к ней Нелли Закусина на пороге третьего тысячелетия еще вернется. В 2000 году начнет выходить журнал «Новосибирск», где она возглавит отдел художественной литературы. Практически одновременно ее пригласят в коммерческое издательство «Мангазея», выпускающую приключенческую и детективную литературу, а в 2004 году Нелли Михайловна займет должность литературного редактора в новом новосибирском издательстве «Свинья и сыновья». Теперь она снова по горло загружена дорогой сердцу редакторской работой.

22. И снова о «вечном»

А что с поэзией? Как обстоят дела у Закусиной на переломе веков в поэтическом цехе? Пишется мало, трудно. Издается — и того хуже. Советская книгоиздательская система приказала долго жить, и теперь, как и всем остальным, миром литературы правят деньги. Приходится искать спонсоров, меценатов, а их днем с огнем не сыщешь. Не очень-то прагматичные кошельки интересуют совершенно не прибыльная поэзия. Имея в виду и это обстоятельство, Нелли Михайловна вынуждена будет с горечью констатировать: «...А с литературой, я бы так сказала, выражаясь современным языком, пока абзац... Никому она, литература сибирская, по большому счету не нужна»¹².

Как бы там ни было, с бору по сосенке наскребла Закусина на книгу «Избранной лирики» в 1995 году, а век двадцатый завершила (также с доброхотской помощью) небольшой книжечкой стихов и переводов «По бесконечной реке» (2000).

В обеих стихи преимущественно уже известные. Новых немного. И фактически нет «на злобу дня». В отличие, скажем, от Нинели Созиновой, которая, заявив в конце девяностых «о вечном не поется мне», полностью перевела стрелки своей поэзии на политизированные рельсы. И даже в творчестве такого «непорочного» лирика, как Нина Грехова, начинают все настойчивей звучать социальные мотивы, достигающие в некоторых ее стихах поистине апокалипсических тонов.

Закусина же продолжает «петь» о вечном. И не потому, что ее не волнует происходящее в стране. Просто она полагает, что поэтической риторикой тут не поможешь. А держать нос по ветру политической и всякой разной другой конъюнктуры она не научилась.

Была, впрочем, у нее на сей счет и своя философская позиция. Отвечая на вопрос журналиста, когда в России было лучше, Закусина скажет: «А у России и не было простых и спокойных времен... Раньше было еще сложнее — война, революция, разруха... Куда ни кинь, всюду клин... Везде свои сложности... Трудности они всегда были и будут. Мне дают это время, и я должна в нем жить... Очень люблю «Розу мира» Даниила Андреева. Там совершенно точно сказано: Великая Блудница правит миром. Все немного

¹¹ «Вечерний Новосибирск», 1 сентября 2009 г.

¹² Там же, 19 марта 2010 г.

бесноватое. Это пройдет. Это все равно прогресс. Не вкусив всего этого, не поймешь настоящих высоких вещей. Я всегда спорю со своими братьями-писателями, многие из которых крайне разочарованы, хаот время и ничего в нем не видят и не принимают. А надо попытаться разобраться, пережить, перетерпеть...»¹³. И не рубить с плеча, не лепить ярлыков, не давать преждевременных оценок. Большое, как известно, видится на расстоянии. Потому и не спешила Нелли Закурина со «злой дн», оставаясь в непреходящей уверенности, что истинная любовь неподвластна никаким катаклизмам и остается вне времени и пространства.

Ну, а жизнь ее лирической героини по-прежнему в густой сети противоречий и вопросов. Еще и время настолько путаное и суматошное, что и не понять уже:

Где вина моя, где робость,
где отчаянье, где свет?
Различить печаль и радость
никакой надежды нет.
«Завертело, закружило...»

Любовных чувств смятением, «за которыми боль, как нож», по причине того, что не достает любящим людям взаимопонимания, предельной честности и откровенности, дышит и стихотворение «**Кто расскажет, правда, ложь ли...**».

Любовная драма лирической героини стихотворения «**Я себя уговорила...**» имеет те же, в принципе, истоки: «Позабыла – от гордыни, // разлюбила — от хулы». Отсюда и результат: «не отважилась ужиться, вот и маяться одной».

А в стихотворении «**Любимый мой, прости меня, прости...**» героиня и не хочет «уживаться». Чувствуя себя узницей возлюбленного («синицей серой у тебя в горсти // я существую горестно, мой милый»), она просит отпустить ее на волю в журавлиную высь «за грань любви, за существо тумана», где, надеется она, «я, может, снова полюблю тебя». Читателю же остается гадать, что лучше — реальная «синица в горсти», или призрачный журавль «в небе хладном».

В стихотворении «**Морс на плите**» обратная ситуация. Лирическая героиня сама винит себя в том, что не смогла удержать своего «счастья в горсти». Она «разжала горсть» да и осталась ни с чем, продолжая жить, «не разлюбив».

Вместе с тем драматические любовные рефлексии, которые переживает ее лирическая героиня, не сокрушают веру Нелли Закуриной в женщину как животворящее начало человеческого бытия, без которого оно просто невысказимо. А потому, слушая женщину, которая поет, «словно с травы осыпаются росы», «безоглядно, сказочно, ново», поэтесса приходит к выводу: «Как же нам нужно, чтоб в счастье и горе — женщина пела!» («**Ветер качнулся...**»). Сам же образ поющей женщины становится здесь своего рода камертоном жизненной гармонии.

Но любовной лирикой поэзия Закуриной этой поры, все-таки, не исчерпывается.

Тревожат иногда ее поэтическую душу сполохи воспоминаний из далекого детства. И возникает еще одно «поэтическое сновидение» («**Не хочу ни в двадцать и ни в тридцать...**»), в котором видит она себя возле дома в Канске, и хочется ей, чтобы сон этот не кончился — «чтобы снова у крыльца // дожидалась я // милого, // хромого, // от свободы пьяного // отца». Продолжает напоминать о себе Бурятия. Дышит ею стилизованная под национальный фольклор притча «**В лодку твою переберусь...**» о любовной лодке, плывущей по «бесконечной реке» жизни в поисках надежного берега для семейного гнезда...

¹³ «Спаси меня от зла непониманья...». // «Вечерний Новосибирск», 14 июля 2000 г.

23. Все меньше их на этом берегу...

И все чаще задумывается Нелли Закусина о быстротечности человеческой жизни.

Не сказать, что мысли эти не посещали ее и раньше. Без труда угадываются они, к примеру, в стихах, посвященных безвременно ушедшему бурятскому писателю Исаю Каоашникову. В 1978 году умер Александр Кухно — один из тех, кто выводил ее на поэтический путь. И под впечатлением от его похорон пишет Закусина стихотворение «**На кладбище**», по существу, начав им целый цикл стихов-прощаний, стихов-эпитафий, к которому будет возвращаться на протяжении более двух десятилетий. Несколько таких лирических реквиемов («**Весть**», «**Который год летит моя печаль...**», «**Со мною рядом нынче смерть пошла...**») появятся у Закусиной в восьмидесятые годы. Но большую часть их создаст она уже в «лихие» девяностые.

Что и понятно. На финишной прямой двадцатого века друзья, товарищи, коллеги Нелли Михайловны уходили из жизни один за другим. И вот уже «по пальцам сосчитать могу — // кто еще на этом берегу» («**Каждый день и каждый час томим...**»). Каждый такой уход отзывался в поэтессе острой сердечной болью. Оставалась «память тайная // милого друга», в котором «миг и век воплотились» («**На могилу к тебе не хожу...**»). И невосполнимая пустота, потому что уходили «вместе с друзьями — смысл, // счастье, азарта братство, чувство, любовь // и мысль». А без друзей уже и не понять становится нынешний «быстротечный жизненный кавардак». Но самое, может быть, для поэтессы главное — «не с кем теперь поделиться // радостью первой строки. // На пожелтевших страницах осиротели стихи» («**Не к кому обратиться...**»).

С особой тяжестью и горечью восприняла Нелли Михайловна смерть Александра Плитченко и Геннадия Карпунина, в дружеско-братском окружении которых провела она большую и, пожалуй, самую светлую часть своей поэтической жизни.

Первым в ноябре 1997 года покинул мир земной от сердечного приступа Александр Плитченко. За месяц до его смерти они с Закусиной поехали в город Искитим Новосибирской области на Шукшинские чтения. В пути Плитченко повернулся к ней с переднего сидения машины, осыпая своей неповторимой лукавой добродушной улыбкой и хитровато подмигнув. А она успела поймать этот момент в объектив фотоаппарата, не подозревая, что делает последнее для нее прижизненное фото Александра Ивановича...

Нелли Закусина отозвалась на кончину друга коротким эссе «**Память сердца**» и стихотворением. В эссе вспоминала об их взаимоотношениях, которые, «можно назвать одним словом — стихи». А в поэтическом этюде «**Боязно дотронуться рукой**» памяти Александра Плитченко, писала:

Боязно дотронуться рукою
и дыханьем лба не отогреть.
Замирая, с тихою тоскою
начинаю на тебя смотреть.

Ты уже велик.
Спокойно небо.
Горизонтом вечность — не прервать.
Зернышко — Божественного Хлеба
и слезинка — Божья Благодать.

Ласково лицо твое и вольно —
снег не тат на губах твоих.
И стихам твоим уже не больно.
Не сломать
и не разрушить их.

Будут жить они на вольной воле,
твоего не омрачив лица,
утолять, стучащие от боли,
и жалеть горячие сердца.

Через год, в декабре 1998-го, неизлечимая болезнь «съест» и другого «брата-поэта» — Геннадия Карпунина. В последние годы их жизни пути литературных братьев разошлись, но в памяти и сердце Нелли Закусиной они так и остались неразлучными. О чем и дает она недвусмысленно понять в стихотворении «**Весенний день**», посвященном ушедшим поэтам. Его героине слышатся ранней весной голоса, которые просят ее: «Помоги... Забвение страшит, // сохрани созвездье наших лиц». Исходят они от двух тополей («вон стоит высокий тополек, // И поодаль — чуть пониже — друг»). И словно пелена наваждения спадает с глаз:

Вдруг, очнувшись, глянула назад:
Господи! Да это ж у реки
Александр с Геннадием стоят.

И хочется верить лирической героине, что встретится она с теми, кто покинул ее, уйдя в мир иной, «там // за границей надежд, за памятью плоти» и «над суетой, восходящей из тьмы // последнего лета» сольется с ними «в едином дыхании» («**Мы встретимся там...**») в надмирном любовном соитии самой высокой пробы и чистоты.

Размышляет поэтесса и о собственном уходе из земной жизни, представляя его как ночной полет к звездам («**Оторвусь от земли...**»), поскольку, по ее лирическому ощущению, она именно «оттуда пришла» и ей «туда уходить» навстречу «знакомым лицам», кто с нею когда-то «делил восхищенья и горести дня». Но пока ей «еще тяжело» это сделать:

Я должна еще здесь,
долюбив,
донадеясь,
поверить,
что в юдоли земной
я была хоть немного права.

24. Сама себе соперник

И она продолжает уже на пороге нового века доказывать свою поэтическую правоту, замешанную на непреходящем убеждении во всепроникающей силе любви. Продолжает, даже несмотря на то, что не видит в это время для себя особых творческих перспектив и весьма пессимистически оценивает современное состояние литературы.

Впрочем, переживаемый Закусиной в «нулевые» годы пессимизм носил, думаю, вполне объективный характер как естественная и адекватная реакция на негативные подвижки в социальном климате и не был следствием некой ее душевной ломки, вызванной, скажем, творческим кризисом, падением читательского интереса, невниманием (или того круче — притеснениями) властями.

Читательский интерес к Нелли Закусиной не иссякал, в журналах («Сибирские огни», «Новосибирск»), в газетах появлялись подборки новых стихов. В 2004 году вышла в Новосибирске очередная ее поэтическая книга «**У снега на краю**». С властями поэтесса тоже никогда не конфликтовала, скорее наоборот, вносила посильный (и немалый) вклад в реализацию их культурных планов. Что касается официального признания, то и им Нелли Михайловна не была обделена. В 2000 году она была удостоена литературной премии

имени Н.Г. Гарина-Михайловского, а в 2004-м — премии губернатора Новосибирской области в области культуры и искусства имени В.Я. Зазубрина. В том же, 2004 году, Нелли Закурина была принята в члены-корреспонденты Петровской академии наук и искусств.

Любопытно, что до Нелли Закуриной в числе лауреатов премии Гарина-Михайловского не было ни вообще женщин-писательниц, ни тем более женщин-поэтов. А конкуренцию в тот год ей составила Нелли Созинова. И я как постоянный член комиссии по премиям Гарина-Михайловского могу засвидетельствовать, что Закурина не оставила своей тезке никаких шансов.

Неконфликтный по природе своей человек, с уважением относящийся ко всякому таланту, Нелли Михайловна всегда нормально сосуществовала и с коллегами по литературному цеху. Причем не только с поэтами. Друзей-товарищей среди прозаиков у нее было, пожалуй, даже больше, чем среди поэтов. Особенно когда заведовала отделом прозы в «Сибирских огнях». Закурина и сама отмечала, что в литературном своем формировании ей посчастливилось оказаться под благотворным влиянием таких замечательных сибирских прозаиков, как Илья Лавров, Владимир Сапожников, Елена Коронатова. С Еленой Ивановной ее вообще связывала многолетняя душевная дружба.

А поэты... Разные с ними складывались у Закуриной отношения. Ровные и добрые они были с ее наставницей и корифеем Елизаветой Стюарт, с Нинель Созиновой. Всегда любила и ценила Нелли Михайловна за тонкий лирический талант Нину Грехову. И в молодости поэтессы-ровесницы очень дружили. Но дальше в дело вмешалась поэтическая ревность, и Грехова, не чуждая «звездной» болезни, стала отдаляться. Было, конечно, обидно, но спасало Закурину отсутствие собственной «звездной» болезни и понимание того, что в творчестве абсолютной близости быть не может, ибо каждый творец и дарованием и натурой индивидуален.

Осознание этого, наверное, и уводило вовремя Нелли Михайловну в сторону от поэтических междоусобиц, мелочной борьбы за первенство. «Со мной почему-то соперничали, — удивляется она, — а мне хватало своего». И соперник по большому счету у Закуриной был всегда только один и главный, — она сама. Преодолевая себя, прежнюю, она и двигалась по пути творческого совершенствования.

25. О «заповедном крае детства»

В 2007 году у Нелли Закуриной вышла в Новосибирске очередная поэтическая книжка. Очередная, но не рядовая. Можно даже сказать — особенная. Называлась она «**Четыре времени счастья**» и была о детях и для детей.

Детская тема в разнообразном творчестве Нелли Закуриной вовсе не случайна. С «заповедным краем детства» у нее всегда была самая тесная связь. Да и зазвучала эта тема далеко не в «нулевые» годы. Писать детские стихи Закурина пыталась еще ребенком. А впервые они увидели свет в 1969 году на страницах «Сибирских огней», где впоследствии появлялись не раз. Потом будут поэтические книжки для детей «Непослушная кукла» (1976) и «Мой город золотой» (1981). Так что стихи для детей давно и прочно стали неотъемлемой частью творческой жизни Нелли Закуриной.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что пик активности освоения Закуриной детской темы приходится опять-таки на время ее работы в «Сибирских огнях». Причина та же — творческая универсальность редакционного и авторского коллектива, влияние которого испытывала на себе Нелли Закурина. Стихи и прозу для детей писали Геннадий Карпунин и Александр Плитченко, постоянный автор журнала Елизавета Стюарт, романтические сказки появлялись из-под пера Александра Романова... Тут уж, как говорится, с кем поведешься... Тем более что «велась» на детскую тему Нелли

Закусуна с большой охотой. Хотя и признавалась, что «дело это трудное» и стихи детские ей «даются труднее».

Рождение и воспитание собственных детей, а потом и внуков, работа с детьми в школах и домах творчества тоже «подливали масла в огонь» — стимулировали развитие «детской» линии в поэзии Закусиной, подпитывали ее и настраивали на необходимое звучание.

Книга «Четыре времени счастья» стала определенным итогом в разработке «детской» темы. Она позволяла по достоинству оценить эту грань поэтического дарования Нелли Закусиной. В книгу вошли как многие прежние, так и новые стихи. Автор опять обращается здесь к своему излюбленному приему «лирического календаря», делая его композиционным стержнем сборника. Четыре раздела книги художественно отображают времена года, каждое из которых, убеждает юного читателя поэта, по-своему прекрасно и радостно.

Книга густо населена. Здесь и мальчишки, пускающие бумажные кораблики, и подружки-«обзывашки», и светофор, преградивший путь грязной машине, и кошка Маргошка с «собаками-мечтаками», а с ними и другие «ребята и зверята», и игрушки, так похожие на своих маленьких хозяев, и «товарищ верный — тополь», встречающий детвору «по дороге в школу», и целый город «на огромной реке», и еще многое, многое другое.

Перечитывая детские стихи Закусиной, отмечаешь в первую очередь то, как тонко понимает и чувствует она своих маленьких читателей, ее редкий, но столь необходимый для детского писателя дар быть своим в мире ребенка. А ведь в нем, подчеркивает сама поэтесса, работают совсем иные, чем у взрослых, системы чувств. И Закусиной удается в них «включиться», взглянуть на жизнь вокруг глазами юного неопита-первооткрывателя, передать его особенное, отличное от нашего, взрослого, мировосприятие. Именно детским воображением нарисована такая вот, например, очень зримая и запоминающаяся картина зимней ночи:

На заснеженной постели
спят капризные метели,
спят ворчливые бураны,
спрятав варежки в карманы.

«На лапах кошачьих весна наступала», — читаем в другом стихотворении. Тоже чисто ребячье ощущение. Как и старинный деревянный дом, в котором юный герой еще одного стиха видит старого доброго деда. Продолжать приводить подобные примеры можно еще, еще и еще. А это значит, что маленькому читателю в стихах Закусиной, ему адресованных, всё станет узнаваемо и близко, всё безо всяких усилий будет им восприниматься и откладываться в памяти и душе.

Как и вся ее поэзия, детские стихи Нелли Закусиной буквально пронизаны светом и теплом любви. Они и учат главному — любви: к родной земле и природе, к людям и «братьям нашим меньшим» — ко всему, в общем, тому, что зовется жизнью. Где любовь, там и счастье, а оно приходит в любое время года. Потому и названа книжка «Четыре времени счастья».

Юный читатель, несомненно, извлечет из стихов Закусиной определенные нравственные уроки. (И это в лучших традициях детской, советской поры, прежде всего, литературы, всегда стремившейся «сеять разумное, доброе, вечное»). Но пересола в назидательности при этом не почувствует, потому что мера и вкус у Закусиной и тут абсолютные.

26. Песня продолжается

В 2012 году, к юбилею поэтессы, вышел том избранной лирики Нелли Закусиной «Прикосновение», в котором она предстала читателям во всем своем поэтическом объеме и многообразии. Но книгой этой поэтесса и как бы подводила итоги своей долгой творческой жизни, главным из которых оставалась верность любви как началу всех начал. Не случайно и завершается книга отрывком из еще одного (пока неоконченного) произведения, в котором поэтесса продолжает искать поэтическое решение вечной теоремы любви. Называется оно «Прозрачная поэма» и посвящена интимным взаимоотношениям мужчины и женщины в их глубоко «осенней» поре, когда они «оба на горе» прожитой жизни встают перед вопросом, «как остаток наших дней прожить».

Отдавая дань литературе традиционной, Нелли Михайловна внимательно следит и за современными формами ее развития. В частности, виртуальными. Ведет, в частности, популярный у современных читателей электронный портал «Жарки». Частый гость она и в «живых» читательских аудиториях, где стихи ее пользуются неизменным интересом и любовью.

Творчество Нелли Закусиной — один из источников, питающих полноводную реку современной сибирской поэзии. Но вспоминается ее же стихотворение «Из окна вертолета. Север». Поэтесса наблюдает из иллюминатора вертолета следующую картину. Кружит-петляет по тундре речка. Вот-вот сольется с могучим Енисеем. Но она... «не хочет Енисеем становиться», а потому «готова к бою в последний миг». Весьма символическая эта картинка очень даже приложима к автору стихотворения. Внеся за десятилетия творческой работы заметный вклад в русскую поэзию Сибири, Нелли Закузина не затерялась, не растворилась в ее волнах. Она и сегодня остается художником с «лица не общим выраженьем», с неповторимой творческой индивидуальностью, в чем читатель этого очерка, надеюсь успел убедиться.

Вспоминается и еще одно поэтическое произведение Закусиной. В конце семидесятых годов в стихотворении «Серебрянка» она с робкой надеждой предполагала: «И все-таки мы в чем-нибудь останемся. // Хотя бы серебрянкою в золе». И вот теперь, спустя десятилетия, можно уже с безусловной уверенностью утверждать, что поэзия Нелли Закусиной обязательно останется и далеко за порогом дня нынешнего. Более того, смею полагать, что и не скромной «серебрянкою» в золе литературного костра она в грядущем блеснет, а засверкает говоря словами Елизаветы Стюарт «чистым золотом каждой строки».

Впрочем, о каком пороге речь? Ведь поэтесса Закузина по-прежнему в пути, в движенье, отодвигающем горизонты. Она продолжает свою песнь. И нам, ее читателям и почитателям остается пожелать, чтобы не было этой замечательной песне конца...

БИБЛИОГРАФИЯ

Отдельные издания

Мой светлый день. Стихи. — Зап.-Сиб. кн. изд-во. Новосибирск, 1972.

У сентября спокойное лицо. Стихи. — Там же, 1976.

Непослушная кукла. Стихи для детей. — Там же, 1978.

Свет любви. Книга стихов. — Там же, 1979.

Звезды в колодце. Книга стихов. — Там же, 1981.

Белый снег, зеленая трава. Стихотворения. — Там же, 1984.

Избранные стихотворения. («Библиотека сибирской поэзии»). — Новосибирское кн. из-во. Новосибирск, 1987.

Зимние письма. Книга стихов. — Там же, 1990.

Избранная лирика. — «Литературный фонд». Новосибирск, 1995.

По бесконечной реке. Стихи и переводы. — Поэтическая библиотека журнала «Сибирские огни». Новосибирск, 2000.

У снега на краю. Стихи. — Изд-во «Свиныйн и сыновья». Новосибирск, 2004.

Четыре времени счастья. Стихи для детей. — Новосибирск, 2007.

Прикосновение. Лирика. — РИЦ «Новосибирск» Новосибирской писательской организации Союза писателей России. Новосибирск, 2012.

Основные публикации в периодике

«Только б не было войны...»; «Военные отрокотали грозы...»; «Сколько надо любви!»; «Как перышко, лодку качает большая река...»; «Ах, этот запах листьев прелых...»; «Мой светлый день...»; Стихи. // «Сибирские огни», 1971, №2.

«Тропка, выведшая в лето...», «Как солнце круглое летело...», «Ходит милый по досточке...», «Чуть сойдем с лесной дорожки...», Возвращение. Стихи. // «Уральский следопыт», 1971, №10.

Родная сторонюшка. Стихи. // «Сибирские огни», 1972, №9.

Пусть не будет бессолнечно людям. Стихи. // Там же, 1973, №12.

Телефон, Обида-обитель. Стихи. // «Москва», 1975, №6.

Игра; Апрельский дождь; «Алло! 44-30-66? Заказывали Норильск?..»; Северные цветы; Кончилось лето; Пурга; «Узнав настоящую нежность...»; «Не знаю, наяву или во сне...»; «Но сколько б ни писали о любви...»; «Пусть лучше будет все, как есть...»; Свет любви. Стихи. // «Сибирские огни», 1977, №6.

Белая дорога. Стихи. // «Молодая гвардия, 1978, №3.

Когда все еще так прекрасно...»; Дочь; Город; «Зеленый свет спокоен, без сомненья...»; Предчувствие; «Приоткрылась дверь...»; «Много лет ты со мной бедовал...»; Зеркала; «Меня жалея...»; Старые рифмы; Белый миг; Сон; Утро; «Моя пронзительная жизнь...»; Март; «Непонятно зачем...»; «Выжжет солнце любовь...». Стихи. // «Сибирские огни», 1979, №2.

Ночная лыжня; Женщина и колодец; «Чужие в доме...»; «В эти дни я тиха от ужаса...»; «Если это письмо не придет...»; Мороз; «Туман, деревья, провода...»; «До чего мороз туманен...»; «Зима пронеслась, потому что жила февралем...»; «Прозрачные осенние букеты...»; «Отойди, пустая болтовня...»; Серебрянка; Память, Стихи. // Там же, 1979, №9.

Ордынский тракт; «Откуда к нам...»; «Когда вся тяжесть отдана любимым...»; Мосты; «Меня нельзя сломать...»; «Я женщина...»; «Утром рано встаю...». Стихи. // Там же, 1980, №8.

На Смотлоре; Небо над Нижневартковском; «Что может быть проще и чище...». Стихи. // «Сибирские огни», 1981, №2.

Из книги «Белый снег, зеленая трава». Стихи. // Там же, 1983.

«Когда твое солнце садилось...»; «Неправда ходила с нами...»; «Со мною нынче рядом смерть прошла...»; «Как будто тучи вдруг заскрежетали...»; «Нет, упрекать костер я не могу...»; «Огню поклониться...»; Ты будешь рад воскресшему дню...». Стихи. // Там же, 1984, №3.

«Прозренье, опыт, разочарованье», «Надеемся, что шелестеть травой...», «Который год летит моя печаль...», «Храни свое болотце, куличок...». Стихи. // «Байкал» 1984, № 5.

Друзья не бывают плохими. Стихи. // «Сибирские огни», 1985, №8.

Из книги стихов «Зимние письма». Стихи. // Там же, 1987, №7.

Якутские сонеты.(Пер. с якутского). // «Нева», 1988, №7.

Белым облаком плыть... Стихи. // «Сибирские огни», 1990, №1.

Новые стихотворения. Стихи. // Там же, 1992, №2.

Что за знак нам с тобою судьба подала... Стихи. // Там же, 1999, №2.

О Н.М. Закусиной

Никольков А. Поэтический мир Нелли Закусиной. // Нелли Закурина. Избранное. («Библиотека сибирской поэзии»). — Новосибирское книжное издательство. Новосибирск, 1987.

Надточий А. «Спаси меня от зла непониманья...». Беседа с поэтессой Нелли Закусиной. // «Вечерний Новосибирск», 14 июля 2000 г.

Горшенин А. «Виноватая звезда» (Свет любви в стихах Н. Закусиной). // «Сибирские огни», 2000, №1.

То же. // Алексей Горшенин. Абрисы. Этюды о поэтах. — Поэтическая библиотека «Сибирских огней». Новосибирск, 2001.

Горшенин А. Свет любви. // Нелли Закурина. По бесконечной реке. Стихи и переводы. — Поэтическая библиотека «Сибирских огней». Новосибирск, 2000.

Прашкевич Г. У снега на краю. // Нелли Закурина. У снега на краю. Стихи. — Изд-во «Свиньин и сыновья». Новосибирск, 2004.

Фролова Галина «Любовь — это все-таки труд». // «Учительская газета», 23 октября 2004 г.

Горшенин А. И вечная любовь... // Нелли Закурина. Прикосновение. Лирика. — РИЦ «Новосибирск» Новосибирской писательской организации Союза писателей России. Новосибирск, 2012.

СОДЕРЖАНИЕ

Среди других российских поэтесс (Вместо предисловия).....	
1. «Прелести» кочевой жизни.....	
2. Нет худа без добра.....	
3. Дебют районного масштаба.....	
4. Замечена «большими».....	
5. Поэтическое «безумие» шестидесятых.....	
6. «Входной билет» в Поэзию.....	
7. У реки Селенги.....	
8. Время серьезных ожиданий.....	
9. «Родная сторонushка».....	
10. Свет любви.....	
11. «Я — женщина...».....	
12. Будни «Сибирских огней».....	
13. Переводчица.....	
14. Природа как часть поэтического мироздания.....	
15. Трудная диалектика.....	

16. Сказка в жизни есть иная... ..
17. С ироническим прищуром.....
18. Залпы «главного калибра».....
19. Школа литературного мастерства.....
20. До последнего патрона.....
21. Воспитание чувств.....
- 22 И снова о «вечном».....
23. Все меньше их на этом берегу... ..
24. Сама себе соперник.....
25. О «заповедном крае детства».....
26. Песня продолжается.....